

Давай сыграем в любовь

Автор:

Екатерина Каблукова

Давай сыграем в любовь

Екатерина Каблукова

Императору не отказывают, даже если он лишь будущий император. Амалия это знала, и потому смиренно приняла предложение кронпринца Леопольда.

Позади – первая любовь, впереди – спокойная размеренная жизнь с нелюбимым мужем. Но что делать, если и жених, и его отец погибли, а императором провозглашён кузен кронпринца?

И пусть договорённости между странами все те же, но вокруг беспокойно, к тому же и сам новый император не в восторге от ситуации. А тут еще интриги с фрейлинами, недовольство народа, подогреваемое газетами. И чтобы сохранить империю, надо показать сказку и... сыграть в любовь.

А уж куда заведет эта игра, не ведает даже Создатель.

Екатерина Каблукова

Давай сыграем в любовь

Пролог

– Мои дорогие, кронпринц Леопольд удостоил нас особой чести... – эрцгерцогиня выдержала паузу и внимательно посмотрела на своих дочерей. Фрау Марта, бессменная гувернантка семьи, на чьи плечи выпала тяжелая обязанность растить дочерей эрцгерцога, хорошо воспитала их.

Обе девушки сидели напротив матери с совершенно прямыми спинами и делали вид, что внимательно слушают. Вернее, внимательно слушала лишь одна, младшая, любимица эрцгерцогини, красавица Бетти. Её старшая сестра, Амалия, украдкой поглядывала в окно, где конюх прохаживал ее новую лошадь.

Эрцгерцогиня заметила это и вздохнула: в свете последних событий с этим предстояло покончить. Как, впрочем, и с увлечением Амалии сыном их соседей. Она с сожалением еще раз посмотрела на обеих дочерей и решительно закончила:

– Его высочество Леопольд попросил руки Амалии.

– Конечно, мама... – машинально произнесла Бетти, затем ее большие голубые глаза округлились, и она взвизгнула. – Что-о-о?

Эрцгерцогиня вздохнула. Амалия, старшая из незамужних сестёр, напротив, нахмурилась:

– Должно быть, это ошибка, мама! Ведь на последнем балу Леопольд не отходил от Бетти. Они даже протанцевали два танца, а ведь это равносильно признанию в любви! Возможно, секретарь кронпринца просто перепутал наши имена?

– Предложение поступило напрямую от императора Франца, а он всегда отличался великолепной памятью, – отозвалась эрцгерцогиня, с сочувствием поглядывая на младшую и оттого самую любимую дочь, в ярости кусавшую губы. Она была вылитой копией своего отца, белокурого красавца, посла Северного королевства, так вскружившего когда-то голову молодой красавице, уставшей от пренебрежения собственного мужа.

Роман был слишком бурный, об осторожности никто не думал. Эрцгерцог Норрик был в ярости, лишь угроза неотвратимой войны с северными соседями заставила его смириться с оскорблением. Коварный соблазнитель был выслан на родину, эрцгерцогиня – отправлена в загородное имение. А потом родилась Бетти.

Эрцгерцог, скрипя зубами, признал девочку своей дочерью, но он так и не смирился с её существованием, слишком уж явно напомиравшем ему об измене жены.

Эта история окончательно испортила и так напряженные отношения эрцгерцогства с Северным королевством, раз и навсегда определив предпочтения соседей. Возможно, со временем все бы и изменилось, но Бетти была слишком похожа на своего настоящего отца.

Именно это сходство, как полагала женщина, и сыграло роль, что выбор кронпринца Леопольда, наследника великой Аустрихской Империи, еще одного могущественного соседа герцогства Норрик, пал на старшую дочь эрцгерцога, чье происхождение не вызывало толков.

Амалия сидела, словно пораженная молнией. Удивительно, но на ее привлекательном, хотя не таком красивом, как у сестры, лице было написано отчаяние.

– Я отказываюсь понимать, – решительно произнесла она, внимательно смотря на мать своими пронзительно-серыми глазами, – на зимнем балу Леопольд не отходил от Бетти, и потом вы сами утверждали, что эта помолвка – почти решенное дело!

– Я ошибалась, – эрцгерцогиня ответила очень резко, слышать о своих промахах от дочери было очень неприятно.

Амалия нахмурилась:

– Не думаю, мама, что ошиблись именно вы.

Вопреки всему, она встала и прошла по огромной столовой, которую использовали по назначению, лишь когда эрцгерцогиня давала ежегодный летний бал. Странно, что мать выбрала именно эту комнату, чтобы сообщить дочерям о предложении императора. Приезд эрцгерцогини был так внезапен, что слуги даже не успели растопить камин, и в комнате ощущалась сырость.

Аккуратно обойдя стулья, все еще покрытые белыми пыльными чехлами, Амалия подошла к окну и с огромным сожалением приказала конюху увести лошадь. Закрыв раму и решительно задвинув щеколду, она вздохнула: похоже, что Клаус сегодня её не дождется.

Клаус был младшим сыном соседа, графа Тревизской марки. Помешанный на лошадях даже похлеще самой Амалии, он являлся её верным спутником во всех верховых прогулках и неоднократно намекал, что желал бы обратиться к отцу храброй всадницы за разрешением ухаживать за Амалией.

Понимая, что отец сочтет подобный брак мезальянсом, Амалия неоднократно отговаривала юношу, прося повременить. Наверное, не стоило.

В голове мелькнула трусливая мысль оправить несостоявшемуся жениху письмо с объяснениями и более не видеться, но это было бы подло. Следовало поговорить лично. Девушка украдкой оглянулась на мать, успокаивавшую свою младшую дочь. Та самозабвенно рыдала на плече эрцгерцогини:

– Как он мог, мама, как он мог так поступить, – даже рыдая, Бетти была очаровательна, сама Амалия обычно покрывалась некрасивыми красными пятнами, и у нее опухали глаза. – Он ведь дал мне свое слово!

– О, моя дорогая, если бы выбирал сам Леопольд, – вздохнула эрцгерцогиня, нежно поглаживая дочь по спине. Сейчас она уже сожалела и о том романе, что случился у нее за спиной мужа, и о том, что, вопреки всему, она сохранила память об этом романе.

Надо было, как и все, отдать ребенка на воспитание в какую-нибудь семью. Эрцгерцогиня подняла голову, встретилась глазами с пронизательным взглядом старшей дочери и невольно вздрогнула, понимая, что та знает. Знает и о прекрасном белокуром после Северного королевства, своим обожанием украсившем жизнь тогда уже одинокой женщины, и о пагубной, иного слова и не подобрать, страсти, охватившей тогда их, и о том, чья действительно дочь Бетти.

Амалия смотрела слегка насмешливо, или же это просто казалось из-за ее слегка раскосых, точно у кошки, глаз. Такие же глаза были и у мужа. Но эрцгерцог давно не баловал жену вниманием.

Казалось, что взгляд дочери проникает прямо в душу. Впрочем, эрцгерцогиня знала, что ни Амалия, ни её отец не умели читать мысли. Она решительно отстранилась и расправила оборки платья.

– Элизабет, хватит рыдать! – почти приказала она, умышленно скрывая за резкостью любовь к дочери. – Выбор сделан, и твоя сестра выйдет замуж за кронпринца Леопольда. Ваш отец уже дал согласие на этот брак.

– Было бы удивительно, если бы он его не дал, – пробормотала Амалия и потупилась под строгим материнским взглядом.

– Предложение императорского дома – большая честь для нашей семьи, – очень четко произнесла эрцгерцогиня, – и я надеюсь, моя милая, ты с полной ответственностью отнесешься к нему, как и подобает старшей дочери эрцгерцога Норрика.

– Положим, одной из средних, – возразила Амалия, невольно вспомнив старших сестер, выданных замуж одна за другой два года назад по политическим соображениям. Теперь она жалела об их свадьбе. Возможно, кто-то из них привлек бы императора больше, чем она сама. – Кстати, могу я поинтересоваться, что отец дает за мной в качестве приданого?

Её вопрос вновь вызвал волну негодования эрцгерцогини. Тонем, не терпящим возражений, она отчитала дочь, напомнив ей, что любопытство – греховный порок, а юной девушке пристали лишь добродетель и подчинение родительской воле. Амалия непочтительно хмыкнула, поняв, что отец не стал посвящать свою жену в политические интриги, чем вызвала очередную волну недовольства и обещание эти три месяца уделить особое внимание манерам и воспитанию дочери, чтобы та не опозорила их перед императорской четой.

Не сомневаясь, что мать так и сделает, полностью лишив ее последних дней свободы, Амалия поспешила принести извинения, которые были приняты со строгой снисходительностью. После чего эрцгерцогиня величественно вышла из комнаты, оставив сестер одних.

Насупившись, Бетти смотрела на старшую сестру, которая отобрала у нее все: почет, уважение и красавца-кронпринца, с которым так приятно было кружить в

вальсе на зимнем балу.

Амалия ответила ей не менее неприязненным взглядом. Они никогда не любили друг друга. Амалия считала Элизабет слишком глупой и жеманной, та полагала, что старшая сестра резка, иронична, не слишком красива и думает только о лошадях и книгах.

– Ненавижу тебя, – наконец произнесла младшая. – Как же я тебя ненавижу.

Амалия пожала плечами:

– Можешь ненавидеть сколько тебе угодно, это ничего не изменит...

– Интересно, чем ты его так зацепила?

– Ты сейчас о кронпринце или о его отце? – зачем-то уточнила Амалия, совершенно случайно вспомнив мимолетную беседу, которую имела на зимнем балу с императором и императрицей. В тот сезон мать, невзирая на шушуканье за спиной, представляла младшую дочь как дебютантку.

Бетти старательно следовала этикету, но их императорские величества предпочли побеседовать именно с Амалией, усадив на небольшой стульчик рядом с их золочеными креслами. Вернее, беседовал император, его супруга смотрела на девушку с ледяным снисхождением, как смотрят на таракана, гнушаясь раздавить. Из этой беседы Амалия смутно помнила лишь то, что император Франц был весьма любезен и пожелал ей приятного вечера.

Потом пришлось аккуратно пятиться по ступеням, опасаясь наступить на пышные оборки бального платья, и чинно высидеть рядом с матерью, пока сестра всю кокетничала с кронпринцем Леопольдом.

Девушка попыталась вспомнить своего так внезапно появившегося жениха. Высокий, светловолосый, наверное, он даже был красивым, если бы не презрительная гримаса, словно застывшая на вытянутом лице с точеными скулами и абсолютно прямым носом. Пухлые – почему-то на ум приходило слово «порочные» – губы то и дело расплывались в неприятной улыбке, а голубые глаза смотрели на собеседника с явным снисхождением. Амалии кронпринц

никогда не нравился, и она старалась по возможности избегать общения с ним. Впрочем, он и сам не стремился познакомиться с девушкой, предпочитая проводить время с признанными красавицами, благо, в них не было недостатка.

Элизабет же всего этого не замечала, когда она смотрела на кронпринца, её лицо светилось обожанием. Они протанцевали два вальса на балу. Неслыханная дерзость, которая была прощена высшим светом лишь потому, что все вокруг посчитали их самой красивой парой. На следующий день Леопольд даже прислал сестре цветы... и сразу же забыл, подхваченный вихрем развлечений. И вот теперь Амалия должна была стать женой этого человека.

Уже не слушая, о чем говорит сестра, девушка вновь подошла к окну, с тоской посмотрела на тюльпаны, распустившиеся на клумбах.

– Интересно, что все-таки отец дал в приданое, – тихо произнесла она, не рассчитывая на ответ, но он последовал почти сразу за её вопросом:

– Северную марку.

Амалия обернулась, ее лицо осветилось улыбкой, сделавшей её почти красавицей:

– Альфред!

Ее брат, невысокий темноволосый человек, всего на два года старше сестры, без стука вошел в комнату и подошел к девушке, привычно поцеловал ее в щеку:

– Поздравляю, Милли. Слышал, скоро к тебе надо будет обращаться «Ваше Высочество»?

– Наверное, – вздохнула новоявленная невеста. – Тебе виднее, папа? Наверняка сказал тебе гораздо больше, чем мама нам.

– Он сказал лишь то, что скоро мы породнимся с семьей императора Франца, – Альфред бросил уничижительный взгляд на младшую сестру, все еще причитавшую над своей судьбой. – Бога ради, Бетти, если тебе угодно разводить сантименты, делай это в своей комнате!

Та возмущенно засопела, но не посмела перечить старшему брату, наследнику эрцгерцога, поэтому вышла, напоследок громко хлопнув дверью.

– Ты забываешь, что это и моя комната тоже, – Амалия проводила ее задумчивым взглядом. – И боюсь, ближайшее время мне придется выслушивать эти стоны и всхлипы.

– Хочешь, я пожалуюсь отцу?

Девушка внимательно посмотрела на брата, прекрасно зная о его неприязни к младшей сестре, и покачала головой:

– Пожалуй, не стоит, это только все осложнит.

Она устало потерла виски, затем посмотрела на собеседника:

– Ох, Альберт, и что мне делать?

– Надеюсь, это риторический вопрос, и ты не из тех глупых гусынь, кто начнет отказываться от привилегий, которые тебе даст положение жены кронпринца Леопольда... – заметил он, тщательно расправляя манжеты белоснежной рубашки и избегая пристального взгляда сестры.

– Даже если бы я и хотела отказаться, вряд ли это возможно, – обреченно произнесла она. – Насколько я понимаю, отец уже дал свое согласие, и остальное – лишь дело времени.

– Полагаешь, Леопольд приедет делать тебе предложение? – Альберт заинтересованно посмотрел на Амалию. Девушка усмехнулась.

– Полагаю, что Леопольд даже не вспомнит меня! Что же касается самого императора, то у него очень много дел, поэтому помолвочное кольцо мне передадут через какого-нибудь лакея... – она прикусила губу, понимая, что наговорила лишнего. – Прости, Альберт, я понимаю, что мне, наверное, стоит порадоваться. После трех неудачных сезонов вдруг такой оглушительный успех...

Она заморгала, потом встала и разгладила складки на своей амазонке.

- Мне надо переодеться, не думаю, что мама одобрит мое платье для верховой езды за обедом.

Глава 1

Три месяца спустя

Карета подпрыгивала на ухабах, переваливалась с боку на бок, колеса, обитые железом, надрывно скрипели. Проливные дожди, продолжавшиеся почти неделю, размыли тракт так, что даже самые последние новомодные рессоры не спасали пассажиров от ужасной тряски.

Карету очередной раз тряхнуло, и Амалия бросила сочувствующий взгляд на своих спутниц. Герда, личная горничная девушки с тех самых пор, когда Амалия впервые сделала взрослую прическу и надела свое первое вечернее платье, разумеется, белое, украшенное розами, спокойно дремала в углу, укрывшись шерстяным пледом.

Вторая сопровождающая, графиня Ольшанска, как гласило рекомендательное письмо, переданное эрцгерцогу, была отправлена императрицей в качестве компаньонки невесты кронпринца. Сейчас эта дама откинулась на подушки, её руки судорожно сжимали ткань богато расшитого покрывала, а бледное лицо приобрело зеленоватый оттенок. Не выдержав, Амалия легко прикоснулась к руке своей спутницы, магия привычно заколола в подушечках пальцев, перетекая из руки девушки на бледную кожу дуэньи.

Та открыла глаза и вздохнула, её щеки слегка порозовели, тем не менее она с укором посмотрела на девушку:

- Вам не следовало так поступать, контесса[1 - Обращение к невесте особы королевской крови.]! Дар целительства слишком хорош, чтобы расходовать его по пустякам.

– Позвольте мне самой решать, как и когда расходовать свою магию, – Амалия обиженно отвернулась. Она не ждала благодарности за свой поступок, но упрекать её было по меньшей мере несправедливо. – Зачем вы вообще согласились на эту поездку, если так плохо переносите дорогу?

– Потому что Её Императорскому Величеству не отказывают, кому, как не вам, знать это, – неприятная улыбка на губах графини подсказала, что она в курсе всей истории о неожиданной помолвке Амалии, а холодный взгляд голубых глаз подтвердил, что навязанная компаньонка не ждет ничего хорошего от юной выскочки.

Не желая ссориться понапрасну, девушка лишь отвернулась и сердито посмотрела в окно. Взгляд упал на улан, выделенных императором в качестве охраны. Сейчас полностью промокшие под проливным дождем, с поникшими перьями на киверах, они выглядели не слишком браво.

– Нам необходимо остановиться, чтобы передохнуть! – решила Амалия. Не дожидаясь ответа от своей провожатой, она требовательно стукнула в крышу кареты, затем открыла небольшое окошко и приказала кучеру направиться в ближайший трактир. Её приказ был принят с явным оживлением, хотя графиня недовольно поджала губы.

– Вы еще не императрица, моя дорогая, чтобы так вольготно командовать слугами императора, – заметила она. Герда бросила на графиню грозный взгляд, а Амалия невольно сжала руки в кулаки, чтобы не ответить грубостью на это замечание.

– Я всего лишь думаю о людях, которые исполняют свой долг и сопровождают меня! – отчеканила она. – Полагаю, любой человек, даже сам император, в данной ситуации поступил бы так же!

Графиня Ольшанска поджала губы, выражая свое неодобрение. Амалия вздохнула, понимая, что неприязнь её спутницы кроется в том, что у графини самой была дочь на выданье, которой, по слухам, Леопольд в этом сезоне уделял достаточно много внимания. Кажется, там даже намечался скандал, который очень быстро замяли, девица вышла замуж и уехала за пределы Аустриха.

Девушка украдкой взглянула на свою сопровождающую, стремясь понять, как далеко заходили материнские амбиции. Юная Ольшанска слыла красавицей, обладала безупречными манерами и весьма достойным происхождением, но она не была дочерью эрцгерцога и за ней в приданое не давали Северного надела, так необходимого Империи для выхода к Холодному морю в обход коварных фьордов, где каждый год гибли имперские суда, налетая на подводные скалы.

Эти же земли, переданные империи в качестве приданого одной из дочерей, защищали герцогство Норрик от жадных и амбициозных планов Северного королевства. Не будь Амалия так зла на отца, она по достоинству оценила бы его план о заключении союза с могучим соседом, но сейчас ей претила политика, ведь именно она служила разменной монетой для обоих правителей.

Карета скрипнула и остановилась. Стало слышно, как фыркают лошади, а капли дождя стучат по крыше. Дверца распахнулась, и внутрь ворвался холод, пробиравший до костей.

– Прошу прощения, дамы, – извинился капитан улан, заметив, что девушка вздрогнула и плотнее закуталась в плащ, – кучер сказал мне, что вы желаете переждать дождь в каком-нибудь трактире?

– Мне и моим спутницам нужен отдых, – кивнула Амалия. – Да и вам с вашими людьми не мешало бы выпить горячего чая.

Благодарная улыбка была ей ответом.

– Здесь неподалеку есть небольшое заведение, – предложил капитан. – Не знаю, насколько оно подходит для вас, контесса...

– Капитан, мы в походных условиях, – Амалия предпочла не заметить недовольство своей спутницы. – И если вы считаете, что там для нас найдется несколько глотков горячего чая...

– На счет чая я не уверен, но добрый грог там есть всегда! – выпалил капитан и слегка смутился под строгим взглядом графини Ольшанской.

– Как вы смеете, капитан! – возмущенно произнесла она. – Контесса Амалия – приличная девушка!

Тот густо покраснел, пробормотал извинения и поспешно ретировался, захлопнув за собой дверцу кареты.

– Вы не должны поощрять подобное поведение, моя милая! – тем временем назидательным тоном продолжала графиня. – Иначе о вас незамедлительно пойдут слухи при дворе.

– Непременно, – огрызнулась Амалия. – Особенно если вы их начнете распускать, поскольку, кроме нас троих, в карете никого нет!

Герда одобрительно хмыкнула, а графиня зло сверкнула глазами, оскорбленно насупилась и отвернулась к окну. Остаток пути до трактира они проделали в абсолютном молчании. Амалия уныло размышляла, какой прием ждет ее при дворе императора, в очередной раз жалея, что выбор пал не нее, а не на младшую сестру.

Уже, когда карета остановилась, и кучер спрыгнул, чтобы открыть дверь, Амалия, сделав над собой усилие, вновь прикоснулась к руке своей спутницы:

– Графиня, простите меня, я очень устала и наговорила вам лишнего. На самом деле, уверяю, я ценю то самопожертвование, с которым вы исполняете указания Её Императорского Величества.

Та кивнула и ответила менторским тоном:

– Надеюсь, вы это будете ценить и в будущем.

Герда закатила глаза, хозяйка посмотрела на нее с притворной строгостью, в глубине души жалея, что сама не может позволить себе такого. Служанка улыбнулась, прекрасно понимая, о чем сейчас думает её госпожа.

– Разумеется, – Амалия вышла из кареты первой, плотнее закуталась в плащ. Холодные струи дождя буквально обрушились на нее, стекая по лицу за воротник. Девушка поежилась и, следуя за капитаном, поспешила войти внутрь

двухэтажного домика, сложенного из серого камня.

Как оказалось, капитан выслал к трактиру гонца, и по приезду Амалию и ее спутниц уже ждала отдельная, хорошо протопленная гостиная и горячий обед. Это слегка примирило графиню Ольшанску с путешествием, и она даже подремала в удобном кресле, пока уланы растирали своих лошадей и давали животным отогреться и просохнуть.

Сама виновница поездки все это время просидела у окна, сквозь мокрое стекло задумчиво рассматривая унылый пейзаж. Мрачная серость дождливого дня как нельзя лучше отражала то, что творилось у девушки на душе.

Её то и дело охватывало отчаяние. Слова графини разбередили еще не затянувшиеся раны.

Императору не отказывают...

Они встретились с Клаусом через три дня после того, как эрцгерцогиня объявила дочерям о решении Его Величества. С трудом ускользнув от приставленных для надзора за императорской невестой слуг, Амалия стремглав понеслась на поляну, их поляну, где уже распускались первоцветы. Клаус был там. Он нетерпеливо прохаживался по кругу, водя в поводу своего гнедого коня.

– Милли, – бросив повод, он кинулся к девушке, протянул руки, помогая соскользнуть из седла, и так и остался стоять, обнимая ее за талию, – я скучал...

– Клаус... нам не стоит... – Амалия мягко оттолкнула его, юноша сразу помрачнел:

– Значит, это правда? Вы приняли предложение Леопольда?

– Да, – она выдержала его взгляд, не опуская голову.

– Что за чушь! – разозлился юноша. – Милли, ты могла отказать Леопольду, как и любому другому!

Девушка покачала головой.

– Ты же знаешь, что я не могу... На наше герцогство давно точит зуб Северное Королевство, лишь близость Аустрихской империи и лояльность к нам императора Франца пока удерживает его... откажи я Леопольду, мы потеряем эту поддержку и окажемся беззащитны перед остальными соседями, – возразила Амалия. – Нам необходим союз, который бы упрочил договоренности.

– Но почему ты, Милли! – в отчаянии воскликнул он, переходя на «ты». – Почему бы Леопольду не довольствоваться кем-то другим? Элизабет, например! Она же красивее тебя!

– Ты сам все прекрасно знаешь... – Амалия устало посмотрела на него, слова о том, что сестра красивее, задела. – Кронпринц не настолько был влюблен в Бетти чтобы закрыть глаза на все эти грязные слухи о её рождении!

Клаус с досадой посмотрел на нее:

– Мы же столько ждали, – прошептал он, его красивое лицо исказилось от отчаяния. – До твоего совершеннолетия оставалось совсем немного...

– Клаус, что толку сейчас говорить об этом, – Амалия отвернулась, грустно взглянула на тюльпаны, пестревшие повсюду. Скоро их яркие цветы завянут, если прежде их не сорвет кто-то, прельщенный незамысловатой красотой ярких лепестков. – Все уже решено. Мой отец дал свое слово. Императору не отказывают...

Она не смогла сдержать горечи. Клаус взял ее руки в свои.

– Милли, дорогая, мы можем бежать! – он говорил очень торопливо, словно боялся, что его решимость исчезнет. – Я знаю, это... это неприлично, но я готов...

Девушка покачала головой и мягко отстранилась, высвободив ладони:

– Нет, Клаус, я не могу себе позволить бежать с тобой... Империя не прощает оскорблений...

Юноша нахмурился и обиженно, точно мальчишка, у которого отобрали игрушку, взглянул на возлюбленную, его голос был наполнен злобой:

– Скажите проще, контесса: вы просто не можете упустить шанс стать императрицей!

– Да как ты смеешь! – она задохнулась от несправедливости его обвинений. – Как ты смеешь так говорить!

Юноша слегка покраснел, но тут же вызывающе пожал плечами:

– Ты же предпочла мне кронпринца.

Девушка всплеснула руками:

– Клаус, пойми, я не могу отказать императору... Даже если я и откажу, мой отец уже принял это предложение, и мое слово ничего не значит... А бежать с тобой означает лишиться эрцгерцогство поддержки могучего союзника!

– В таком случае не смею больше докучать вам!

Он резко поклонился, буквально подбежал к своему коню, вскочил на него и сорвался с места в карьер.

– Я меняю одного мальчишку на другого... – прошептала Амалия, смотря ему вслед. В этот момент мир вокруг дрожал и расплывался.

– Нам пора, – холодный голос графини вывел девушку из воспоминаний. Она кивнула и украдкой вытерла слезы, выступившие на глазах. Будущей императрице не стоит показывать свои слабости.

Герда кинула на девушку сочувствующий взгляд. Одна из немногих, она знала, что творится у её госпожи на сердце, но вынуждена была молчать, особенно в присутствии этой напыщенной графини в модном платье ярко-фиолетового цвета.

Они вновь вышли на крыльцо, около которого уже стояла карета, запряженная четверкой. Амалия обеспокоено посмотрела на лошадей, прижимавших уши, но промолчала. Ей, как и животным, почему-то не нравились ни этот дождь, ни

порывы ветра, весь день клонившие деревья к земле.

– Остался последний перегон, – уже знакомый капитан вновь подошел к ней. Девушка заметила, что его тщательно напозаботленные усы намокли и понуро обвисли, но это не портило ему настроение, как, впрочем, и его подчиненным: уланы уже предвкушали, что к вечеру окажутся в родных казармах. Амалия вздохнула. Дорога так утомила её, что она уже не испытывала ни радости, ни страха перед встречей со своим женихом и его царствующими родителями. К тому же она уповала на то, что сегодня её проводят в гостевые комнаты, а уже завтра устроят торжественный прием в каком-нибудь парадном зале огромного дворца.

Девушка послушно села в экипаж, позволила горничной накинуть ей на ноги теплое покрывало, подложив под него нагретый кирпич. Графиня поднялась следом и долго возилась, устраиваясь поудобнее. Герда вновь забилась в свой угол. Дверца захлопнулась, и карета покатила, со скрипом отсчитывая мили, остававшиеся до въезда в столицу.

Они остановились так внезапно, что Амалия, успевшая задремать, вздрогнула и сразу же открыла глаза. Её провожатая, напротив, лишь захрапела еще оглушительнее, пышная грудь колыхалась, а толстые, слегка расплывшиеся губы смешно причмокивали после каждой рулады.

Герда понимающе скривилась и обменялась со своей хозяйкой насмешливым взглядом, затем Амалия решительно распахнула дверцу и вышла.

В вязких серых сумерках все искажалось. Туман стелился по дороге, скапливаясь в сырых лощинах. Мокрые, пожухлые листья кленов то и дело подрагивали на ветру, осыпая путников тяжелыми, холодными каплями. Даже лошади, от которых шел пар, напоминали таинственных животных, появившихся из потустороннего мира. И, словно в подтверждение нереальности, откуда-то издали прозвучал набат.

– Контесса... – капитан вынырнул из серой хмари, словно призрак, заставив вздрогнуть. На секунду подумалось, что это происки фейри, решивших забрать к себе невесту императора... Девушка повернулась к нему:

– В чем дело, капитан, почему мы остановились? И почему звонит колокол?

Он замялся, словно решаясь:

– Мои люди заметили, что имперский флаг над воротами приспущен, это означает...

– Смерть члена императорской семьи, – кивнула Амалия, не зная, радоваться ли ей внезапной отсрочке, поскольку свадьбу наверняка отложат из-за траура. Она не могла вспомнить, есть ли у императора престарелый или же больной родственник. Кажется, была сестра, которая умерла много лет назад, и племянник, сын этой самой сестры, который был воспитан императором. Племянник лет на десять старше самого кронпринца, следовательно, ему было около тридцати двух-тридцати пяти лет. Насколько девушка знала, принц Рудольф служил в одном из полков и вел достаточно вольготную жизнь, на этом ее познания о семье, в которую она должна была войти, заканчивались.

– Хотел бы я знать, кто умер, – между тем пробормотал капитан.

– Для этого нам надо доехать хотя бы до ворот, – заметила Амалия. Её собеседник согласился.

– Да, вы правы, позвольте, я помогу вам, – он протянул руку, контесса оперлась на нее, чтобы вновь сесть в карету. Графиня так и не проснулась. Герда вопросительно посмотрела на свою госпожу, та пожала плечами:

– Похоже, Герда, моя свадьба откладывается: в Империи объявлен траур...

– И слава Богу! – шепотом ответила ей служанка, косясь на спящую графиню. – Сначала траур, потом еще что... глядишь, и совсем расстроится!

– Да ты просто полна оптимизма! – Амалия невольно улыбнулась. – Полагаешь, такое возможно?

– Почему нет? – беззаботно отозвалась горничная. – Вы же не знаете, кто сейчас умер. Не рове?н час, сам император преставился, – она осенила себя знаком четырехлистника. – Думаете наследник, освободившись от папаши, будет слово держать? Нет! Найдет себе, уж простите, посмазливее и поглупее!

– Откуда ты знаешь?

– Да пока вы на балах оборки своего белого платья пачкали, я много чего про Леопольда этого слышала, – фыркнула Герда. – Вам говорить не хотелось, чтоб не расстраивать.

Она вновь насупилась и сделала вид, что игнорирует вопросительный взгляд госпожи.

– Скажи, раз начала! – потребовала Амалия.

– Да какая разница, о чем слуги треплются? – та попыталась отмахнуться.

– Герда! – девушка зло топнула ногой и сразу оглянулась, не разбудила ли графиню, поколебалась, добавила сонных чар и вновь повернулась к служанке. – Ну? Говори!

Девушка вздохнула. Было видно, что ей очень хочется поделиться со своей госпожой. Амалия нахмурилась.

– Последнее предупреждение! – как можно тверже произнесла она. – Или ты говоришь все, или я отошлю тебя обратно!

Она блефовала, но Герда поддавалась на угрозы, а может, просто хотела поделиться услышанным.

– Да бабник он, ваш женишок, гуляка и бабник! Говорят, какую-то девицу дворянского рода обесчестил, что бедняжку спешно замуж выдавали, а потом, поскольку папенька строго-настрого запретил к благородным подходить, Леопольд ваш начал с актерками по примерным прятаться! – воскликнула девица.

Амалия улыбнулась: для служанки общение с актрисами было верхом неприличия.

– Смейтесь, смейтесь, только мужчины своих привычек не оставляют после свадьбы! – мрачно продолжила Герда.

– Я знаю, – на душе опять стало тоскливо, – но ты же знаешь, что императору...

Она осеклась, потому что карета опять остановилась. Пауза затягивалась, и, не выдержав, Амалия вновь выглянула наружу. Освещаемые скудным светом газовых фонарей уланы растерянно стояли около городских ворот. Потрясение виднелось на их лицах.

– Капитан, – окликнула она командира отряда, – что там?

Он посмотрел на вверенную ему девушку, точно видел впервые. Амалия нахмурилась, от её взгляда не укрылось то, как мужчина побледнел.

– Что случилось? – повторила она, чувствуя, что сердце буквально замирает, чтобы потом пуститься вскачь. – Кто умер?!

Капитан вздрогнул, дернул ворот мундира с такой силой, что золоченые пуговицы посыпались на землю, затем как-то странно взглянул на Амалию. По его взгляду она уже знала ответ, но все равно оказалась к нему не готова:

– Император... императрица... и кронпринц... они все... Яхта разбилась о скалы...

Амалия откинулась на подушки. Вдруг стало очень тяжело дышать, сердце словно сдавило железным обручем. Наверное, ей надо было обрадоваться, что столь нежеланная свадьба не состоится, но девушка не чувствовала ничего, кроме страха. Смерть наследника престола освобождала её саму, но перечеркивала все договоренности отца с Империей, а значит, эрцгерцогство окажется беззащитным перед Северным королевством. А новый император? Будет ли он соблюдать договоренности своего предшественника. Эрцгерцогство Норрик всегда было лакомым куском... В ушах вдруг загрохотали пушки. Она представила себе безжалостно вытоптанные зеленые луга, обезлюдившие деревни и землю, потемневшую от крови.

Не важно, кто на них нападет: Австрия или Северное королевство, – итог для ее родины будет один: она просто перестанет существовать. Амалия беспомощно посмотрела на свою служанку, в ее глазах она заметила отражение своего ужаса. Конечно, Герда не могла понять всего, но известие о смерти императорской семьи потрясло и её тоже.

– Что же мне теперь делать, Герда? – прошептала девушка абсолютно белыми губами. – Что мне делать?!

– Что случилось? – графиня Ольшанска томно потянулась, пробуждаясь. – Мы приехали?

– Император... – выдавила служанка, понимая, что её госпожа не может сказать и слова. – Он... они все умерли...

– Кто? – графиня все еще находилась во власти сна и не совсем понимала, что ей говорит эта носатая девица, слишком зазнававшаяся, как и все слуги, близкие к своим господам, тем более у девицы был такой акцент...

– Император Франц погиб вместе со всей семьей, – безжизненно произнесла Амалия. – Их яхта разбилась о скалы.

Графиня буквально онемела, с ужасом смотря на свою подопечную. Та отвернулась, пытаясь скрыть растерянность. Девушка просто не представляла, что сейчас делать. Стоило ли ехать во дворец и добровольно становиться заложницей, весьма ценной, если вспомнить то, что она всегда считалась любимицей отца.

Дверца снова распахнулась. Амалии подумалось, что в этой поездке в карету заглядывают гораздо чаще, чем это предусмотрено протоколами. Впрочем, о каких протоколах могла идти речь.

– Простите, контесса, какие будут распоряжения? – капитан растерянно переминался с ноги на ногу.

– Я... – Амалия беспомощно смотрела на своих спутниц. – Наверное, нам надо возвращаться в Норрик?

Ей никто не ответил. Девушка уже готова была отдать приказ развернуть карету, когда к ним подошел начальник гарнизона. Караульный, сопровождавший его, нес фонарь. Покачиваясь на каждом шагу, светильник отбрасывал зловещие тени.

– Контесса Амалия? – мужчина по-военному коротко поклонился, выждал, когда она кивнет, и продолжил. – Император приказал мне сопроводить ваш экипаж ко дворцу.

Девушке хотелось возразить, что распоряжение, наверняка, было отдано раньше, еще до того, как все погибли, но у нее сейчас не было сил спорить. За спиной мужчины маячили солдаты, и Амалия лишь безвольно кивнула, соглашаясь.

Начальник гарнизона еще раз поклонился, захлопнул дверцу, затем кто-то запрыгнул на козлы рядом с кучером.

Экипаж вновь покотился, на этот раз колеса стучали по брусчатке, которой были вымощены городские мостовые. В любое другое время Амалия с удовольствием рассмотрела бы освещенные новомодными газовыми фонарями улицы, по которым сновал народ, заметила бы отличия в модных платьях и костюмах прохожих, но сейчас она была слишком потрясена происшедшим. Её сил хватило лишь на то, чтобы сидеть в карете, старательно избегая растерянных взглядов своих спутниц.

Экипаж остановился, послышался скрип ворот. Брусчатка сменилась гравием. Значит, они въехали в ворота императорского дворца. Амалия бросила взгляд в окно. Ранее она, бывая на балах, любовалась подъездной аллеей и клумбами, по праву считавшимися особой гордостью императорского замка, но сейчас и темный парк, и сам замок показались ей зловещими.

Построенный в незапамятные времена как родовой дом князей Лауфенбургских, он неоднократно перестраивался, и сейчас о старинной крепости напоминали лишь часть стены да часовня с огромными стрельчатыми окнами, украшенными витражами.

Карета остановилась у главного входа. Лакей, одетый в красно-золотую ливрею с вышитым на спине имперским гербом: парящий над тремя звездами ястреб, открыл дверцу. Амалия заметила и потрясенный взгляд, и траурную повязку на его плече. Значит, все было правдой. Она вышла и беспомощно замерла, ожидая, пока графиня последует за ней. Слуги тем временем выгружали сундуки. Женщина долго мешкала и в конце концов решила не покидать экипаж.

– Простите, моя дорогая, вы не будете против, если я попрошу кучера отвезти меня в мой особняк, на улице льет как из ведра? – не дожидаясь ответа, она захлопнула дверь и постучала в крышу кареты. – Трогай!

Лошади уныло поплелись к воротам. Амалия так и осталась стоять на крыльце, совершенно не зная, к кому обратиться.

– Контесса, – окликнул ее незнакомый человек в военном мундире. Не будь девушка так растеряна, она даже определила бы род войск незнакомца и заметила, что у него красивые голубые глаза. Но она была так подавлена, что обращала внимание лишь на повязки из черного крепа, которые носили все во дворце.

– Простите мне мою дерзость, мы не представлены друг другу, – продолжал мужчина, – но думаю, в столь исключительных обстоятельствах мы можем отступить от этикета, я барон Эдмунд Фриш, адъютант или, если угодно, секретарь Его Императорского Высочества, ныне наследного принца Рудольфа.

– Барон, – Амалия заученно протянула руку, которую тот поцеловал. Это словно отрезвило ее, девушка вздрогнула, её взгляд стал более осмысленным, – Простите, это все...

– Неожиданно, да, я понимаю, – кивнул мужчина. Девушка вздохнула:

– Как это произошло?

– Никто до конца не знает. Императорская семья находилась на яхте, когда внезапно начался сильный шторм. Судно налетело на скалы. Никто не выжил.

– И кто... – голос стал очень тонким, девушка осеклась, откашлялась и продолжила. – Кто теперь будет править?

– Племянник императора, – барон моментально угадал вопрос, – принц Рудольф. Завтра вы с ним увидите, он назначил вам аудиенцию в полдень, – барон вдруг спохватился. – Впрочем, что же мы стоим у крыльца. Ваши комнаты давно готовы!

– Мои комнаты? – растерянно повторила Амалия.

– Да, – адъютант принца вежливо кивнул, – Конечно, из-за этих печальных событий во дворце форменный беспорядок, но комнаты были подготовлены заранее.

– Хорошо, – она провела рукой по лбу, пытаясь унять головную боль. Все происходящее напоминало дурной сон. Слуги с перекошенными от страха лицами, гвардейцы с траурными повязками на рукавах, сам адъютант новоявленного наследника. Амалия заметила, что он все еще выжидающе смотрит на нее и кивнула:

– Думаю, самое разумное будет действительно пройти в комнаты, тем более что их приготовили...

Барон был настолько любезен, что лично проводил Амалию в отведенные для нее покои, после чего раскланялся, пообещав, что гостье незамедлительно доставят ужин.

Дождавшись, когда двери за ним закроются, девушка буквально упала в кресло и закрыла лицо руками.

– Герда, все же, что мне теперь делать? – спросила она у служанки, голос звучал очень глухо, сказывалось напряжение последних часов. Та подошла и аккуратно погладила свою госпожу по голове, точно маленького ребенка:

– Думаю, контесса, вам лучше всего сейчас лечь в кровать. Утро вечера мудренее.

Глава 2

Амалия спала плохо. Она несколько раз просыпалась и долго смотрела на почти невидимый в темноте ночи балдахин огромной кровати, пытаясь понять, что делать дальше. Будущее виделось ей очень туманным.

Девушка то считала себя виноватой в том, что не оправдала надежд, возложенных не нее отцом, то ощущала безотчетную радость, что ей не надо выходить замуж за кронпринца, которого недолюбливала. Эти мысли влекли за собой ощущение стыда, ведь Леопольд и его родители погибли, и о них не стоило думать плохо. К тому же еще была политика, эта ужасная политика, в которой, к огорчению своей матери, Амалия разбиралась гораздо лучше, чем в составлении букетов.

В результате этих метаний утром девушка проснулась достаточно поздно. Подавив в себе искушение сказаться больной, она позвала верную Герду.

Та вошла, сразу неся в руках поднос, на котором стояла чашка горячего шоколада, а на фарфоровом расписном блюде лежало несколько восхитительных воздушных булочек, посыпанных сахарной пудрой. Под бдительным оком служанки Амалия выпила лишь шоколад и, невзирая на протесты, отставила булочки, поскольку аппетита не было.

Чувствуя себя абсолютно разбитой, девушка встала с кровати и долго выбирала платье, пытаясь найти в своем гардеробе что-то наподобие траурного. Наконец, она решила надеть темно-синее в мелкую белую полоску. Конечно, оно слишком сильно открывало плечи, но это можно было исправить, накинув газовую косынку. Благо у нее была одна темная, для церковных служб.

Она только закончила заправлять концы ткани за корсаж, когда достаточно громкий стук в дверь возвестил о приходе гостя. Герда впустила визитера в небольшую гостиную и вернулась к госпоже доложить о посетителе.

– Барон Эдмунд Фриш!

Амалия торопливо вышла. При виде нее адъютант императора встал, щелкнул каблуками и почтительно склонился над протянутой рукой:

– Контесса Амалия, рад видеть вновь.

– Взаимно, барон, – теперь она могла рассмотреть его. Барона нового императора нельзя было назвать молодым, но он не был и старым, хотя у глаз собрались едва заметные мелкие морщинки: мужчина явно любил посмеяться. Приятная внешность, но не красавец. Темные волосы, чуть тронутые сединой,

серые глаза, лихо подкрученные напомаженные усы.

- Чем обязана? - традиционная фраза прозвучала очень чуждо. Амалия поморщилась, она не любила таких напыщенных слов.

- Принц Рудольф ждет, - он вспомнил о цели своего визита.

- Принц? - переспросила девушка. - Разве он теперь не император?

- Формально нет. Хоть принц Рудольф и является единственным законным наследником императора, он сын его старшей сестры, следовательно не носит фамилию правящей династии. А при смене династии необходимо одобрение парламента, который соберется лишь после похорон.

- А вы никогда не думали, что парламент может не дать своего одобрения?

- Это маловероятно. Рудольф - единственный прямой потомок императора Франца, к тому же он обладает сильнейшим магическим даром.

- Да он просто идеал, - пробормотала Амалия, ни к кому не обращаясь. Адъютант все равно услышал, внимательно посмотрел на нее, но предпочел проигнорировать это высказывание.

- Его Высочество ждет, - напомнил он, - позвольте я провожу вас?

- Если я не позволю, то буду достаточно долго блуждать по дворцу, - резонно заметила девушка, её собеседник сжал губы, явно пряча улыбку.

- Прошу, - он распахнул двери перед своей спутницей. Гвардейцы, стоящие у дверей, вытянулись в струнку. Амалия вопросительно посмотрела на них, затем перевела взгляд на барона:

- Стража? Зачем?

- Ваша охрана, - вежливо пояснил тот. - Распоряжение императора. Вы слишком ценная для нас гостья.

Девушка кивнула, не поверив его словам. Гостьей она была лишь до того, как кронпринц Леопольд утонул, сейчас же в императорском дворце Амалия напоминала приживалку или, что было вернее, ценную заложницу.

Они достаточно быстро прошли коридор, затем – галерею, где на стенах в золоченых рамах были портреты. Как пояснил барон, все люди, изображенные а них, были членами королевской семьи. Амалия равнодушно взглянула на картины и заметила, что полотна развешаны так, чтобы мужчины и женщины взирали на посетителей с суровой надменностью. Девушка поежилась и раздраженно пожала плечами: в конце концов, она не виновата, что их потомок погиб.

Хотя следовало признаться самой себе, она испытывала некоторую весьма постыдную радость, поскольку понимала, что её брак не состоится. Правда, оставался вопрос, не попытается ли воспользоваться принц Рудольф ей как заложницей. Девушка не сомневалась, что в этом случае отец будет непреклонен, но знал ли об этом сам принц? Да и погибший накануне свадьбы жених не прибавлял популярности ей, как невесте. Хотя, если Амалии позволят вернуться домой, Клаус вновь начнет свои ухаживания. Тогда, возможно, стоит принять предложение поклонника, чтобы не оставаться старой девой и не прислуживать семье брата.

Странно, но эта мысль тоже не вызвала особой радости. Последняя встреча оставила слишком горькое послевкусие. К тому же Амалия это всегда знала: замужество с младшим графским сыном было мезальянсом для дочери эрцгерцога. Бетти, конечно, порадует, что старшая сестра будет делать перед ней реверанс, впрочем, какое ей дело до Бетти...

Погруженная в свои мысли девушка не заметила, что они дошли до высоких дверей, на которых цветной эмалью был выложен все тот же герб: ястреб над тремя звездами. Время было достаточно раннее, и у порога еще не собрались ежедневные просители, впрочем, их могло не быть из-за гибели императора.

Невесть откуда взявшийся лакей распахнул двери, и барон провел девушку в небольшую приемную, а оттуда – в кабинет, который по традиции занимал император.

Амалия с невольным интересом рассматривала темные панели из орехового дерева, полностью закрывавшие стены, и вычурную лепнину на потолке. Росписей не было, только несколько картин на стенах, изображавших прославленные батальные сцены.

Массивный стол из мореного дерева делил комнату на две части, около него стояло несколько стульев для посетителей. На двух стенах огромные зеркала в золоченых рамах чередовались с окнами, создавая иллюзию воздушности. Около зеркал стояли небольшие столики со столешницами из розового мрамора и бронзовыми ножками в виде грифонов.

Осознав, что в кабинете кроме нее с бароном никого не было, девушка нахмурилась и уже хотела высказать возмущение столь неприглядной шуткой, когда раздались шаги и в комнату вошел еще один мужчина в военном мундире. На этот раз мундир был белый. На правой руке вошедшего также виднелась траурная повязка. Его лицо было очень усталым и каким-то злым, глаза казались красными, словно он не спал всю ночь, а около тонких губ залегли жесткие складки.

– Прошу прощения, что заставил вас ждать! – коротко обронил он вместо приветствия. – Думаю, нам нет нужды представляться друг другу. Эдмунд, пока ты свободен. Будешь нужен мне через полчаса.

– Ваше Императорское Высочество, – спохватилась Амалия, делая реверанс. Принц Рудольф кивнул ей на стул:

– Давайте оставим эти церемонии, они отнимают много времени, а у меня его попросту нет. Садитесь.

Девушка подчинилась, внимательно следя за мужчиной. Он прошелся по комнате и вместо того, чтобы занять стул с высокой спинкой, увенчанной изображением имперской короны, просто присел на край стола, изучая свою гостью. Амалия вдруг заметила, что глаза у принца были бирюзово-зелеными, как море в летний день. Девушка вспомнила, что видела его на том зимнем балу, кажется, в нарушение приличий он протанцевал несколько танцев с ослепительно красивой брюнеткой. Тогда она не заинтересовалась им, по праву считая очередным повесой, сейчас же Амалия постаралась внимательно рассмотреть того, кто должен был решить её судьбу.

Несмотря на фамильные черты лица, в отличие от кронпринца Леопольда, принца Рудольфа нельзя было назвать красивым. Волосы были скорее русыми, нежели золотистыми, не было и намека на кудри. Просто прямые, зачесанные назад, они открывали высокий лоб. Нос хоть и был слегка великоват, но правильной формы, щеки явно впали, а подбородок упрямо выдавался вперед. Поняв, что его изучают, принц нахмурился и задумчиво побарабанил пальцами по столешнице, явно решая что-то для себя.

Амалия вдруг подумала, что не хотела бы оказаться врагом этого человека. Слишком властный и уверенный, он был бы опасным противником, к тому же от него веяло магией. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: Лауфенбурги всегда славились своими магическими талантами.

Тем временем принц, которому явно надоело молчание, заговорил.

– Прежде всего позвольте выразить вам соболезнования по поводу столь тяжелой для всех утраты, – в его хриплом от усталости голосе слышалась ирония.

– Благодарю, – она хотела сказать это спокойно, но закашлялась, и вышло жалко. Амалия никогда не любила такие разговоры. – Полагаю, в данной ситуации уместнее будет, если я выражу соболезнования вам. Думаю, вы знали императорскую семью гораздо лучше, чем я.

– Да, знал. Император... Дядя Франц заменил мне отца, – он прикрыл глаза, словно еще раз осмысливая происшедшее, затем вновь взглянул на сидящую перед ним девушку. – Вы должны были стать невестой моего кузена.

– Я была ей, – почему-то показалось важным подчеркнуть это. Рудольф усмехнулся:

– Ваши слова все упрощают.

– Упрощают?

– Да. Я думал... впрочем, неважно. Если вас устраивало ваше положение, предлагаю оставить все как есть.

– Оставить как есть? – Амалия непонимающе взглянула на него. Наверное, постоянно переспрашивая, она выглядела очень глупой, но ее собеседник словно и не заметил этого:

– Да. Свадьбу придется провести во время траура, это, конечно, создаст некоторые неудобства. В частности, придется отказаться от пышного бала... Но думаю, это вас не сильно смутит. К тому же последующая по истечении траура коронация с ее торжествами и императорская корона подсластят горечь ожидания.

Из всего, что он сказал, девушка поняла лишь одно. Она уцепилась за это слово, как будто оно могло прояснить все, что с ней происходило:

– Свадьбу? Какую свадьбу?

– Нашу. С вами, – он сказал это, кривясь так, будто у него болел зуб.

– Извините, но я не... Это что дурная шутка? – Амалия невольно еще больше выпрямила спину и до боли стиснула пальцы. Принц покачал головой:

– Отнюдь. Это деловое предложение. Несмотря на случившееся, империи нужно ваше приданое – Северная марка, гарантирующая выход к морю. А вашему независимому герцогству, – он слегка усмехнулся, произнося «независимому», – нужна защита от соседей. Мне же, по уверениям советчиков, просто необходима жена, которая как можно быстрее произведет на свет наследника.

Амалия задохнулась от негодования и гордо вздернула голову:

– В описании этой сделки, достойной торговца, вы забыли упомянуть о лично моей выгоде. Что, по-вашему, получу я?

– Корону императрицы, разумеется, и все полагающиеся почести. Считаю, вас это вполне удовлетворит.

Девушка смотрела на него, не веря услышанному. Все, что происходило с ней с момента, когда в сумерках она вышла из кареты, напоминало дурной сон.

– Вы действительно считаете, что все так просто? – прошептала она. – Вот так взять и...

Она осеклась не в силах найти нужных слов. Предложение принца было чудовищно. Всего несколькими фразами он сумел унижить её так, как никто другой. Обвинить ее в корысти, даже не спросив, что действительно она чувствовала, соглашаясь на этот выгодный, с точки зрения политики, брак с почти незнакомым мужчиной. Правильнее всего было бы встать и уйти, но помимо гордости были еще и интересы её страны, небольшого герцогства, земли и люди которого стали заложниками этой ситуации.

Внезапно вспомнились зеленые луга, расположенные у подножья фиолетово-серых гор, белоснежный песок и синие с белой пеной огромные волны, обрушивающиеся на берег. Герцогство нуждалось в защите. Это придало сил. Амалия сжала руки так, что ногти буквально впились в ладонь, и с вызовом посмотрела на сидящего на краю стола мужчину:

– Я не думаю, что ситуация так проста, как вы ее сейчас описываете!

Принц Рудольф поморщился:

– О, прошу, только не начинайте патетику! Вы не кажетесь мне дурой, способной влюбиться в моего кузена.

– Не кажусь, – кивнула она. – И действительно я его не любила, но на мой взгляд, кощунственно делать мне столь... столь откровенные предложения, когда тело кронпринца Леопольда еще не остыло...

– Его тело даже не нашли, – собеседник резко оборвал её. – Как, впрочем, и тела остальных.

– Тогда, возможно... – слабая надежда озарила лицо девушки.

– Увы, нет. Я лично проверил с помощью магии, амулеты молчат... Император действительно погиб, – мужчина на секунду прикрыл глаза, затем вздохнул и поднялся. – На самом деле, к чему эти разговоры, которые лишь отнимают у нас время. Вам ведь нет разницы, кто будет вашим мужем, если он носит корону

императора, верно?

Амалия горько усмехнулась:

– Только что вы обвинили меня в глупости, теперь в корысти... и тем не менее желаете взять в жены?

– Почему нет? – он пожал плечами. – Я уже объяснил мотивы своих поступков.

– Спасибо и на этом. Не могу сказать, что они меня вдохновляют. Скажите, у меня есть время подумать над столь лестным предложением? – последние слова девушка произнесла с издевкой. Но принц не обратил на это никакого внимания.

– Разумеется, вам же нужно сохранить свое лицо и избежать досужих сплетен! – он встал, вынуждая и ее подняться, противно скривился, когда она поспешно присела в реверансе, и подошел к дверям. – Можете даже слегка всплакнуть по поводу потери красавца жениха. Я прикажу, чтобы вас проводили в ваши покои.

– Спасибо. Правильно ли я понимаю, что должна оставаться там? – решила уточнить девушка. Мужчина замер у порога и недоуменно посмотрел на нее:

– Простите?

– У дверей моих комнат стоит охрана.

– А... – он махнул рукой. – Поверьте, вынужденная мера исключительно для вашей безопасности. Просто не обращайтесь на них внимания!

– Вам не кажется, что это весьма затруднительно сделать?

– Вы уж постарайтесь, во всяком случае, императрице Анне подобное удавалось, – протянул принц с издевкой и открыл дверь, давая понять, что аудиенция окончена. Он вышел вместе с Амалией в приемную и перепоручил своему адъютанту, наказав сопроводить гостью в ее комнаты. Барон кивнул и незамедлительно вызвал слуг.

Идя за лакеем в потертой ливрее, Амалия пыталась привести мысли в порядок. В голове царил страшный сумбур. Она тщетно пыталась вспомнить все, что когда-либо слышала о принце Рудольфе. Кажется, он был единственным сыном старшей сестры императора, вышедшей замуж, как ни странно, по любви за какого-то не то герцога, не то графа, которому срочно пожаловали герцогский титул. Амалия не помнила, что случилось потом, но оба родителя умерли, один за другим, а их сын остался сиротой, которого взял на воспитание император Франц.

Женитьба императора и рождение долгожданного наследника не отделило, а даже, наоборот, сблизило племянника и дядю. Они проводили достаточно много времени вместе, что раздражало императрицу Анну.

После совершеннолетия Рудольф предпочитал жить своей жизнью и как можно реже бывать при дворе, считая это бесцельным времяпрепровождением. По традиции, неся службу в одном из гвардейских полков, он вместе с сослуживцами предавался развлечениям, на которые так щедра столица. Его часто видели в театре, он много времени уделял лошадям и охоте, более того, в свете говорили, что именно Рудольф прикрывал собой все увлечения императора балеринами и актрисами, вызывая праведный гнев императрицы Анны.

Благовоспитанной девушке не полагалось знать о таких вещах, но эрцгерцогиня перед отъездом намеками просветила дочь, что в династических браках каждый из супругов, выполнив свой священный долг, вправе иногда предаваться неким увлечениям, разумеется, если они остаются без особых последствий. Некстати вспомнив эту слегка пространную речь, Амалия негромко рассмеялась и, заметив, что слегка отстала от лакея, предпочла ускориться, поскольку знала, что в анфиладах дворца можно блуждать часами.

Герда ждала ее в гостиной, сидя на стуле у окна. При виде госпожи она поднялась, отложила порванное кружево, которое намеревалась починить, и вопросительно посмотрела на девушку. Та, не замечая ничего, прошла по комнате, села в кресло и прикрыла лицо рукой, пытаясь собраться с мыслями. Служанка молчала, с сочувствием поглядывая на хозяйку. Она прекрасно понимала, что гибель жениха накануне оглашения помолвки оставит пятно на репутации девушки. Возможно, из-за слухов дочери эрцгерцога придется остаться старой девой и всю жизнь подчиняться сначала отцу, а потом брату.

– Мне предложили выйти замуж, – наконец глухо сказала Амалия. – Хотя правильнее было бы сказать, приказали...

Она знала, что поступает не совсем правильно, но Герда была с ней уже столько лет, а девушке было просто необходимо поговорить с кем-нибудь.

– Вот как? – изумилась та. Амалия обреченно кивнула:

– Да, принц Рудольф, вернее, он же теперь император, то есть он будет им... Как я понимаю, он единственный наследник...

Она подняла голову и посмотрела на служанку, та потрясенно молчала, поэтому девушка продолжила:

– Он уверил меня, что все договоренности между нашими государствами останутся неизменными.

– Думаю, ему все равно необходимо поговорить с эрцгерцогом, – аккуратно заметила Герда, даже не пытаясь скрыть радость. Амалия усмехнулась:

– Это лишь дело времени. Отец не станет упускать такую возможность... – она встала и покачала головой. – Ох, Герда...

Предательский всхлип, затем еще один. Амалия вновь рухнула в кресло, закрыла лицо руками, ее плечи затряслись от рыданий. Осмелев, служанка подошла и аккуратно погладила госпожу по голове:

– Ну полно, не надо так убиваться! Принц Рудольф не урод и не дурак. Вы выйдете замуж и станете императрицей!

Её слова возымели должный эффект, Амалия перестала плакать и криво улыбнулась:

– О да, это должно заменить мне все остальное...

Глава 3

Похороны состоялись через два дня. Амалия так и не узнала, нашли ли тела королевской семьи, или же на катафалках, украшенных белыми каллами, стоят пустые гробы. Этого не знал никто, кроме самого принца Рудольфа.

Из окон дворца девушка смотрела, как похоронная процессия медленно направляется к мрачной часовне, одной из немногих построек, оставшихся от первого замка Лауфенбургов. С незапамятных времен там покоились все представители прямой ветви рода. Амалии подумалось, что это как-то жутковато жить рядом со склепом. В ее герцогстве усыпальница эрцгерцогов была в родовом имении около небольшой часовни, стоящей на побережье.

Согласно традиции принц Рудольф, как ближайший родственник и наследник погибшего императора, возглавлял шествие. Он еще больше осунулся и даже не скрывал свою усталость. В эти дни Амалия с трепетом ожидала, что он потребует от нее ответ на свое предложение, но казалось, принц напрочь забыл о невесте.

Сама же девушка не хотела напоминать ему о себе. Из обрывков разговоров слуг, замолкавших, как только они видели за своей спиной почетную гостью, она знала, что преемник императора почти не спит, пытаясь вникнуть во все процессы управления страной сразу. Услышав это впервые, она усомнилась, подозревая принца в попытке произвести впечатление на свое окружение, сейчас же, глядя на его лицо, она поняла, что это действительно так.

За принцем попарно следовали остальные: дальние родственники императора, придворные, министры, иностранные послы, фрейлины императрицы и просто дворяне. Амалия узнала лишь барона Фриша, который на правах адъютанта наследника престола шел в первых рядах, да графиню Ольшанску. Остальные лица были ей незнакомы. Возможно, девушка и встречалась с ними на балах, наверняка танцевала с кем-то из этих мужчин, разговаривала с фрейлинами, но сейчас в траурных нарядах она не могла никого узнать.

Сама девушка тоже собиралась на панихиду, проходившую в кафедральном соборе, отдать дань уважения жениху, которого совсем не знала, но накануне ей принесли записку от принца Рудольфа, где он достаточно резко приказывал ей остаться во дворце, чтобы не давать лишнего повода сплетникам. Пришлось

подчиниться, тем более что за дверями в её комнаты стояла охрана, все ещё заставлявшая чувствовать себя не гостьей, а пленницей.

За прошедшие дни девушка много раз обдумывала предложение принца Рудольфа. Признаться, для всех это действительно было бы наиболее разумным решением, но все её существо восставало против этого союза.

Как ни странно, она могла примириться с браком с Леопольдом. Возможно, потому что кронпринц, несмотря ни на что, был всегда весел, общителен и легкомыслен. Амалии легко было представить свою жизнь с ним, поскольку знала, что кронпринц обладал дружелюбным характером и избегал ссор.

Рудольф был другой. Уже то, как он сделал ей предложение, совершенно не считаясь с ее чувствами и деликатностью положения, в котором Амалия оказалась, настроили девушку против брака.

Вопреки здравому смыслу, которым так славилась дочь эрцгерцога, одна мысль о том, что ей придется прожить всю жизнь с таким человеком, вызывала у нее протест и отвращение. Она достаточно насмотрелась на своих родителей, чтобы понять, что слишком дорожит своим душевным спокойствием и гордостью, чтобы вступить в брак без некоего взаимного уважения, которое следовало бы супругам оказывать друг другу. Вереницы увлечений как отца, так и матери, ехидный шепот за спиной, постоянные скандалы в семейном кругу – это лишь укрепляло ее убеждения.

Именно поэтому она и смирилась в свое время с Клаусом, он казался ей достаточно спокойным и разумным. Но, как ни горько было сознавать это, она ошиблась. Но тогда Амалия была моложе.

Сейчас, когда ей почти двадцать, девушка прекрасно понимала, что принц Рудольф абсолютно не подходит ей в мужа, поскольку он не тот человек, который способен прислушаться к словам и желаниям других.

Опасаясь прямого приказа отца, Амалия даже не стала упоминать о полученном предложении в письме, написанном родителям сразу после аудиенции, ограничившись лишь перечислением фактов о гибели императора и его семьи. Сложив лист бумаги в виде птицы, девушка коснулась его, делая искрой жизни. Вестник встрепенулся, замахал бумажными крыльями и выпорхнул в

приоткрытое окно.

Девушка проводила его тоскливым взглядом и закрыла раму. Она ожидала ответ буквально на следующий день, но его не было, как и в день похорон. Устав от пребывания в неизвестности, Амалия решила поговорить с принцем Рудольфом сама.

Она долго размышляла, украдкой расспрашивала слуг и, как ей казалось, нашла выход из этой непростой для всех ситуации.

Герцогству просто необходимо покровительство империи, к тому же принц Рудольф слыл ценителем красивых женщин, и его, наверняка, можно заинтересовать младшей сестрой.

Зная характер Бетти, Амалия была уверена, что та согласится пожертвовать собой ради удовольствия носить на голове корону императрицы. Конечно, если рассуждать придирчиво, то возникал вопрос о законном происхождении Элизабет, но формально она была дочерью эрцгерцога, а слухи... Слухи утихнут, как только император объявит о помолвке.

Хорошенько обдумав все, Амалия написала сестре письмо, запечатала и так же отправила при помощи магии. Ответ пришел почти сразу, как и предполагалось, Бетти с радостью соглашалась заменить сестру, полагая, что корона императрицы пойдет ей самой гораздо больше. Прочтя эти строки, Амалия улыбнулась. Оставалось только переговорить с преемником императора.

Не в силах больше бездействовать, она отправила послание, в котором просила о повторной аудиенции. Ответ принесли почти сразу. Принц буквально рассыпался в извинениях за то, что не может принять контессу Амалию именно сейчас, поскольку очень занят подготовкой к заседанию парламента, но на этой неделе он непременно найдет для нее время. Судя по сухому тону, это была очередная издевка: наверняка он просто хотел заставить её ждать.

Покраснев от досады, девушка тщательно порвала письмо на мелкие клочки, вымещая злобу на листе бумаги, затем, окликнув Герду, направилась в парк, располагавшийся, как она уже выучила, за новым крылом, пристроенным совсем недавно, всего каких-то лет пятьдесят тому назад.

Дожди закончились, а на небе светило яркое солнце. Под радостный щебет птиц Амалия старательно бродила по дорожкам, размышляя по поводу своей речи перед принцем, но так и не нашла нужных слов. Она не хотела быть косноязычной, но и прямота пугала, заставляя находить все новые и новые обороты речи. Они все казались глупыми и фальшивыми. Так ничего и не решив, девушка отправилась обратно в свои комнаты. В картинной галерее она встретила с принцем Рудольфом, который чуть не налетел на нее. Барон Фриш с двумя огромными кожаными папками маячил чуть позади.

– А, это вы! – наследник престола выглядел еще ужаснее, чем на похоронах. Щеки окончательно впали, и теперь кожа просто обтягивала скулы, под лихорадочно блестящими глазами залегли темные круги.

– Ваше Высочество, – даже не задумываясь, Амалия поспешно склонилась в традиционном реверансе. Принц вздохнул.

– Я же просил без этих церемоний, – тихо сказал он. Девушка смущенно кивнула:

– Я думала, ваша просьба касалась лишь той аудиенции...

– Нет. Кстати, об аудиенции, вы же хотели... – Рудольф оглянулся на адъютанта, заметил папки в его руках и поморщился. – Думаю, у меня найдется для вас пять минут, во всяком случае, срочного сейчас ничего нет, а эти бумаги могут подождать... пойдете!

Он устремился вперед. Амалии ничего не оставалось, как пойти за ним следом. Принц шагал так быстро, что девушка безнадежно отстала. Впрочем, она и не пыталась подстроиться под его шаг. Адъютант поравнялся с ней. Амалия заметила, что он тоже выглядел очень усталым.

– Вижу, вам приходится несладко, – произнесла она так, чтобы никто не услышал. Барон вздохнул:

– Вы даже не представляете себе. Руд... принц почти не спит, пытаюсь вникнуть сразу во все дела, а еще и послы... Они приехали на похороны, и каждому надо уделить внимание и выслушать, – пояснил он. – Вы же понимаете, что никто не намерен упускать возможность пересмотреть некоторые договоренности, прикрываясь смертью императора.

– Это ужасно! – совершенно искренне посочувствовала девушка. Секретарь вымученно улыбнулся и получил ответную улыбку.

Они как раз вошли в знакомую приемную. Двери в кабинет были открыты, император сидел за своим столом и хмуро смотрел в их сторону. При виде девушки он моментально, как и положено дворянину, вскочил и сам усмехнулся своему порыву.

– Проходите, – приказал он Амалии, – Эдмунд, распорядись, чтобы нам не мешали, и оставь дверь приоткрытой, чтобы не было слухов!

Адъютант исполнил приказ. Девушке не было видно, но она не сомневалась, что барон внимательно прислушивается к разговору.

– Садитесь, – Рудольф кивнул на уже знакомый стул, вновь занимая свое место, – я слушаю.

Запинаясь и почему-то краснея под его пристальным взглядом, Амалия начала рассказывать про Элизабет. Её даже не дослушали.

– Что за чушь вы несете! – явно разозленный принц хлопнул ладонью по столу, вымещая на нем свою досаду. – Что за непонятная ода вашей младшей сестре?

– Я хорошо подумала и нахожу, что мы с вами решительно не подходим друг другу, – тихо возразила Амалия, слегка испугавшись столь бурной реакции на ее достаточно вежливую речь. – Вы ясно дали понять, что вам нужна жена и земли Северной марки, и вам не важна сама женщина. Уверяю вас, моя сестра с радостью примет ваше предложение, что же касается её приданого, не думаю, что отец будет возражать...

– Уж её отец точно не будет возражать, впрочем, как и ваш! – хмыкнул принц, показывая непростительную осведомленность в этом вопросе. Амалия вздернула голову, глаза гневно сверкнули:

– Простите, Ваше Высочество, но мы говорим о моей сестре!

– Именно. Но если уж в вашу хорошенькую голову взбрела идея выступить свахой, то вы должны были понимать, что вопрос о её происхождении обязательно возникнет.

– Мой отец...

– Признал её, да, не знаю, что уж там пообещала ему ваша матушка. Но это не означает, что Элизабет, так, кажется, её зовут, имеет право претендовать на те преференции, которые положены истинной дочери эрцгерцога.

– Ваше Высочество, ваши замечания оскорбительны! Я не стану их слушать! – Амалия вскочила, принц тоже встал.

– Вы с вашим предложением тоже не оказали мне особой чести, – холодно заметил он. – Так что мы квиты.

– Замолчите! – она в волнении прошлась по кабинету, затем повернулась. – Я не знаю, что для вас значит брак...

– В данном случае, и вы знаете это не хуже меня, что наш брак – это сделка, от которой зависит благополучие слишком многих! – раздраженно перебил Рудольф. – И поверьте, я тоже от нее не в восторге!

Это было очередным оскорблением, при чем хорошо рассчитанным. Амалии пришлось призвать на помощь всю свою выдержку, чтобы не наговорить грубостей.

– Тогда я не понимаю, почему вы так настаиваете именно на союзе со мной? – очень холодно произнесла она.

– Послушайте, к чему весь этот разговор? Вы прекрасно знаете причины, по которым именно вы, а не ваша сестра, можете претендовать на брак с членами императорской фамилии!

– Я не знаю этих причин, – голос Амалии был ледяным.

– Так спросите их у вашей матери, хотя не думаю, что она когда-либо расскажет вам об этом! – огрызнулся Рудольф и прикрыл глаза, пытаясь взять себя в руки. – Простите, я слишком устал, чтобы выслушивать еще и нелепые предложения, роящиеся в вашей глупой голове... Давайте закончим этот разговор, он совершенно лишен смысла и попросту отнимает время. Я никогда не женюсь на вашей сестре, более того, я уже получил согласие вашего отца на брак с вами.

– Простите, что? – ей показалось, что она ослышалась.

– Ваш отец, – нетерпеливо пояснил принц. – Я написал ему, объяснил ситуацию, и мы пришли к согласию.

– Интересно, вы сделали это до разговора со мной или после? – голос Амалии звучал слишком ровно.

– Я уже не помню. Никогда не запоминал такие мелочи.

Она замерла и с осуждением посмотрела на стоящего перед ней мужчину:

– Для вас это мелочи?

– На данный момент, да! – он явно злился. – И поскольку никто из нас не силах ничего изменить, то, думаю, нам пора заняться каждому своими делами!

– Надеюсь, вы с эрцгерцогом уже назначили дату заключения этой сделки! – не сдержалась Амалия. – Знаете, мне было бы неловко узнать о ней буквально накануне!

Эти слова заставили принца посмотреть на свою невесту. Она стояла, гордо вздернув голову и буквально дрожа от негодования. Молчание затягивалось, потом девушке показалось, что мужчина едва заметно улыбнулся.

– Свадьба состоится через месяц, – мягко произнес он.

– К чему такая спешка? – опешила Амалия. Принц заколебался, но все-таки ответил.

– Империи нужен наследник. А теперь прошу меня простить, – он подошел к двери и распахнул её. – Эдмунд, распорядись, чтобы контессу сопроводили.

– Куда? – барон молниеносно возник на пороге.

– Куда она хочет. В пределах разумного, конечно: в комнаты, в парк, к модистке... Контесса, мое почтение! – короткий прощальный поклон, и ненавистный жених вновь отошел к столу, открыл папку и, даже не садясь на стул, погрузился в чтение. Амалии ничего не оставалось, как, сделав реверанс, выйти из кабинета.

– Поверьте, на самом деле принц Рудольф не так уж и плох, как вам кажется, – взгляд адъютанта был полон сочувствия, девушка вдруг вспомнила, что дверь была приоткрыта, и, следовательно, барон стал свидетелем их разговора. Амалия вспыхнула, досадуя уже скорее на себя, чем на кого-то еще:

– Каким бы он ни был, уверяю вас, что он последний мужчина в Империи, за которого бы я добровольно вышла замуж!

Она сказала это достаточно громко, чтобы стоящий в кабинете принц наверняка услышал, но он даже не повернул головы, полностью погруженный в текст, который читал. Барон с укором посмотрел на девушку, она решительно вздернула подбородок и прошла к дверям.

– Можете меня не провожать! – она прекрасно понимала, что ведет себя вызывающе и недостойно, но уже не могла остановиться. – Я сама дойду до своих комнат!

Чувствуя, что вот-вот расплечется от унижения, которому подверглась, Амалия выскочила из приемной, хлопнув дверью словно дочь торговца. Все же ей хватило сил сдержаться и, как ей казалось, спокойно пройти, вернее, почти пробежать под удивленными взглядами слуг по галерее дворца.

Выскочив в парк, девушка торопливо прошла по дорожке, с наслаждением вслушиваясь в хруст каменной крошки под ногами. Как бы ей хотелось, чтобы это были кости её жениха. Она никогда не встречала столь самодовольного, грубого, нахального... На этом эпитеты закончились. Амалия устало присела на скамейку. Она не могла понять, почему так злится, ведь император Франц

поступил так же, как поступал сейчас его племянник, но предложение погибшего императора не вызвало у Амалии особого протеста. Более того, она, отвергнув личные пристрастия, послушно приняла предложение и готова была выйти замуж за кронпринца.

Поняв, что окончательно запуталась, девушка прошла весь парк насквозь и подошла к огромному дубу. Она обнаружила его совсем недавно, когда гуляла здесь в прошлый раз. Своими раскидистыми ветками это дерево выделялось среди аккуратно подстриженных растений парка. Траву вокруг него не косили, и теперь, к середине лета, она полностью скрывала узловатые корни.

Листва была настолько густая, что солнечный свет почти не попадал на кору, покрытую бурым мхом. Лишь в некоторых местах лучи просачивались между мощными ветками, создавая вокруг ствола золотистое подобие нимба, или же это светилась охранная магия, девушка не знала. Во всяком случае, от дуба исходило уютное тепло, заставлявшее искать убежища под его кроной.

Небольшая скамейка стояла под деревом, точно приглашая присесть. Она располагалась так, чтобы сидящего не было видно ни из окон дворца, ни через кованую ограду, отделявшую парк от суматошного ритма столицы. Уголок отшельника, как окрестила его про себя Амалия. Девушка не знала, кто приходил сюда до нее, но почему-то была уверена, что здесь ее никто не посмеет потревожить.

Она присела на скамейку, расправила складки на темно-синем платье, черное она так и не заказала, надеясь, что уедет и позабудет все как страшный сон. Злость схлынула, оставив на душе чувства безысходности и нечеловеческой усталости.

Девушка вдруг почувствовала себя принцессой, которую похитил злой дракон, жаждущий заполучить земли Северной марки, открывавшие для Империи безопасный выход к морю.

Амалия просидела в тени дерева, пока не замерзла. За это время никто не вышел в парк искать ее. Никому не нужная невеста. Она судорожно вздохнула, подавляя отчаяние.

Умри она сейчас, новый император равнодушно пожал бы плечами, а Бетти бы даже обрадовалась. На миг мелькнула мысль действительно умереть или же, что было даже лучше, инсценировать свою смерть, но девушка одернула себя. У нее не было ни денег, ни возможностей прожить одной. В лучшем случае её могли бы взять гувернанткой, но, увы, Амалия отдавала себе отчет, она была слишком молода и не имела рекомендаций.

К тому же побег лишал её возможности пользоваться магией: даром обладали лишь представители знатных и древних родов. Хотя магия для нее была в данном случае бесполезна. Согласно традиции, все девочки обучались лишь основам целительства, считая, что остальные магические знания могут быть опасны и повредить женский рассудок.

Мальчиков учили боевой магии. В свое время брат собирался научить Амалию нескольким заклинаниям, но их обнаружили слуги и тотчас же доложили эрцгерцогу. Амалию на неделю лишили сладкого, а Альфред, с трудом избежавший порки, писал огромное сочинение о магии.

Вздыхнув от нахлынувших так не вовремя воспоминаний, девушка направилась в отведенные ей покои.

Там была гостья. Графиня Ольшанска. Одетая, как и положено по протоколу, во все черное, она напоминала ворону.

Амалия настороженно замерла, но тут же – сказала многолетняя выучка – взяла себя в руки. Мило улыбнувшись, девушка подошла к ней.

– Графиня, – она безмятежно пожала руку гостье, – рада вас видеть. Чем обязана?

– Моя дорогая контесса, – улыбка графини напоминала скорее оскал, – на самом деле, я пришла извиниться...

– Извиниться? За что?

– За то, что так долго пренебрегала своими обязанностями по отношению к вам! Меня может в какой-то мере оправдать лишь то, что гибель императрицы Анны,

чья дружба была мне истинной наградой, потрясла меня.

– Да, для вас это тяжелая утрата, – Амалия постаралась, чтобы её голос звучал как можно более невинно. Графиня поджала губы и бросила пристальный взгляд на девушку, словно гадая, действительно ли она такая дура, или же слова имели двойной смысл. Та в ответ лишь широко распахнула глаза, изображая наивное внимание, сказывались годы тренировок и общение с матерью. По всей видимости, графиню это успокоило, и она продолжила:

– Я рада, что вы понимаете всю горечь моей потери. Конечно, вы не знали Её Императорское Величество лично...

Амалия лишь приподняла брови, выражая удивление.

– Я была ей представлена своей матушкой, – коротко заметила она.

– О, моя дорогая! Быть представленной на балу или же общаться с императрицей лично – большая разница! – графиня торжествующе посмотрела на Амалию, та промолчала, раздраженно передернув плечами. Навязчивость посетительницы начинала её злить. Это было неприлично, но она ничего не могла с собой поделать.

Девушка прекрасно понимала, что графиня каким-то образом узнала о предложении Рудольфа и о согласии, данном её отцом. Впрочем, новости по столице всегда распространялись достаточно быстро.

Амалия опустилась в кресло, даже не обращая внимания на свою гостью. Ту такое пренебрежение не смутило. Вернее, графиня его попросту не заметила, списав молчание девушки на робость провинциалки, попавшей в блистательное имперское общество. Законодатели моды, блюстители нравов, представители высшего общества Империи всегда снисходительно относились к тем, кто не вращался в их кругу постоянно.

– Разумеется, я исполню волю моей дорогой подруги и введу вас в общество, как она и желала... – продолжала вещать графиня.

– Простите? – девушка отвлеклась от своих мыслей. – О чем вы говорите?

– Моя дорогая, вам, выросшей в небольшом герцогстве, наверняка будет здесь... одиноко. И вам, как и подобает воспитанной девушке, просто необходима компаньонка! Дама приличий, которая сопровождала бы вас повсюду, иначе ваша репутация непременно пострадает.

– Да неужели? – процедила Амалия, графиня кивнула:

– Не сомневайтесь! Взять хотя бы эти непристойные аудиенции с принцем в кабинете императора!

Девушка усмехнулась, вот к чему клонила ее гостья.

– Я не вижу ничего непристойного в этих аудиенциях, – возразила Амалия. – Принц Рудольф совсем скоро станет императором.

– Именно поэтому его невеста должна быть примером для всех, не так ли? – графиня улыбнулась. – Разумеется, столь юной девушке, как вы, тяжело обходиться без материнской опеки и советов. К тому же, как вы понимаете, за вами сейчас будут следить тысячи глаз верных поданных нашей славной Империи.

Амалия молчала, но, во всяком случае, теперь она слушала очень внимательно, и графиня, окрыленная успехом, продолжила:

– Поэтому очень важно, чтобы вы соответствовали всем ожиданиям...

– Боюсь, я не выдержу такой чести, – оборвала её девушка. – Быть предметом для слезки не слишком почетно...

– Что поделаешь, моя дорогая. О, вы же позволите называть вас так по старой дружбе? – графиня слащаво улыбнулась. – Я понимаю, что свалившаяся на вас ответственность огромна, поэтому я и пришла на помощь! Я ведь гораздо опытнее вас, и всегда смогу подсказать вам!

– Правильно ли я понимаю, что вы желаете получить место статс-дамы?

Графиня рассмеялась:

– О, милая, я и так была первой статс-дамой и наперсницей Её Величества, – она картинно промокнула глаза кружевным платком. – И в память о своей дражайшей подруге я готова помочь и ее несостоявшейся невестке!

Амалия скрипнула зубами. Меньше всего на свете ей хотелось видеть около себя эту напыщенную лицемерку. С другой стороны, ей нужна была компаньонка, но где её искать, девушка просто не представляла. Дома дочерей эрцгерцога всегда сопровождала мать или многочисленные тетушки, зачастую такие же глупые, как и женщина, сидящая сейчас напротив Амалии в гостиной. Правда, они вели себя гораздо скромнее, слишком уж зависели от милости родственника и правителя.

– Мне лишь интересно, как к этому отнесется принц Рудольф, – осторожно заметила девушка, используя последний повод для отказа. Графиня слегка оживилась, её глаза лукаво блеснули:

– О, не переживайте, Руди, а мы все называем его Руди, будет лишь благодарен мне. Скажу вам по секрету, я написала ему письмо с прошением, и он был столь любезен, что ответил, что мы с вами вольны поступать, как сочтем нужным, но это было бы неплохим решением для нас всех.

– Все? Могу ли я узнать, кто все? – Амалия невольно заинтересовалась именно этим, поскольку, уже успев столкнуться с характером принца, понимала, что за вежливыми фразами, наверняка написанными бароном Фришем, скрывается приказ принять графиню, и она не имеет права обсуждать его.

– Все фрейлины Её Императорского Величества, – снисходительно пояснила Ольшанска. – Вы же понимаете, что принц пользовался успехом у женщин. Впрочем, об этом я лучше промолчу, не хватало еще вызвать вашу ревность! Ведь на бедняжку Руди и так много навалилось! Признаться, я удивлена тем, что он до сих пор пытается во всем разобраться сам. Мне казалось, что он не интересуется ничем, кроме армии и бесконечных... гм... приключений.

Последнее слово было сказано с томным придыханием, Амалия слегка усмехнулась, прекрасно понимая, что речь идет о многочисленных похождениях принца, но тут же вновь стала серьезной.

– В таком случае, если он не возражает, полагаю, вы можете занимать свою должность до момента свадьбы императора, – девушка специально не сказала «моей свадьбы», все еще надеясь на то, что случится чудо.

– Благодарю, – графиня встала и величественно направилась к дверям, уже приоткрыв дверь, обернулась. – Как я понимаю, это так же касается и фрейлин?

– Если его высочество Рудольф не будет возражать... – Амалия пожала плечами.

– Он не будет, – графиня Ольшанска улыбнулась. – Хотя вам, моя дорогая, не мешает научиться принимать решения самостоятельно. Негоже отвлекать императора, даже если это наш любезный Руди, по пустякам.

Амалии подумалось, что первым её самостоятельным решением будет казнить эту глупую гусыню. Девушка еще долго бы представляла себе эту кроважидную картину, как Ольшанска поднимается на эшафот, но в комнату впорхнул белый голубь и упал на стол, превратившись в письмо с печатью самого эрцгерцога.

Понимая, что поступает невежливо, девушка сухо попрощалась со своей незваной гостьей, взяла письмо и сняла магическую печать. Отец скупно поздравлял дочь с удачно разрешившейся ситуацией, мать выражала восторг и беспокойство, что она осталась одна, и наказывала вести себя, как и подобает наследнице старинного рода.

Ощущая лишь холодную ярость оттого, как быстро её продали вновь, Амалия тщательно сложила письмо несколько раз, старательно заглаживая сгибы, а потом порвала на мелкие клочки. Все слова родителей казались насквозь фальшивыми. Она задумчиво пощелкала пальцами, пытаясь поджечь обрывки магическим огнем, как это обыкновенно делал брат, но безрезультатно. Девушка с досадой смахнула клочки на пол, и с раздражением посмотрела на них, чувствуя, что в ее душе нарастает бунт. Ей просто необходимо было сделать что-то такое, что шло бы вразрез со всеми правилами и канонами. Занятия магией подходили для этого как нельзя лучше.

Желая хоть как-то доказать прежде всего самой себе, что она вольна распоряжаться собой, девушка вышла из своих покоев. Гвардейцы, стоявшие у дверей, вытянулись в струнку. Амалия слегка улыбнулась им и зашагала по галерее, ведущей в центральную часть дворца.

Найти проводника оказалось нелегкой задачей: слуги, почувствовав слабину, казалось, позабыли о своих обязанностях. В конце концов, девушке попался на глаза лакей, у которого она, устав от поисков, просто потребовала проводить её в библиотеку.

Комната напомнила ей свадебный торт. Огромное помещение белого цвета, по стенам которого стояли книжные шкафы, их резные вычурные дверцы были выкрашены небесно-голубой краской. Колонны из розового мрамора поддерживали белоснежные полукруглые своды, постаменты и капители были украшены позолотой, а яркие фрески на потолке повествовали о жизни почитаемых святых.

Амалия неуверенно прошла вдоль стен, недоверчиво разглядывая фолианты и пытаясь сообразить, по какому порядку они расставлены. Наконец она нашла нужный ей раздел. Задумалась, затем взяла одну из книг и направилась к окну, присела на подоконник и погрузилась в чтение.

Текст оказался очень тяжелым, сами предложения – громоздкими и зачастую противоречащими друг другу, и Амалия вскоре закрыла книгу, чувствуя себя полной дурой.

В этот момент она готова была согласиться, что женщины слишком глупы для серьезной учебы. Обескураженная, она поставила книгу на полку и вернулась в свои комнаты.

Там, на серебряном подносе на каминной полке, уже лежала стопка визитных карточек. Лакей как раз заносил второй такой же, наполненный так, что цветные кусочки картона просто падали на пол.

– Похоже, весь Аустерхольц занят лишь тем, чтобы бросить мне карту[2 - Означает нанести визит с тем, чтобы оставить свою визитную карточку. Выражение было принято в XIX веке.], – пробормотала Амалия, беря в руки надушенный кусочек картона. – Баронесса цу Зельгер... Хотела бы я знать, кто это такая... госпожа фон Герстнер... Графиня Рудольшадт... по-моему, в прошлом она пела на сцене...

Она начала перебирать белоснежные карточки. Графини, баронессы и просто аристократки – все спешили донести до Амалии, что будут рады видеть ее у себя с визитом. Оставалось только понять, кого действительно стоит посетить, и допустимо ли это в связи с трауром.

Разумеется, можно было спросить совет у графини Ольшански, Амалия не сомневалась, что та никогда не упустит такую возможность, но она интуитивно опасалась статс-дамы, слишком уж та была лицемерна в своем желании услужить невесте императора.

Так и не придумав ничего лучше, девушка решила попросить помощи у единственного человека, кто действительно был с ней приветлив.

Она подошла к небольшому бюро, обмакнула перо в чернильницу и написала несколько строк, присыпала письмо песком, затем сложила, запечатала магией и отправила адресату.

Барон Фриш откликнулся почти сразу, он вошел следом за лакеем, даже не дожидаясь, пока тот доложит.

– Контесса, добрый вечер, простите за столь долгое ожидание, – он почтительно склонился над протянутой рукой, поцеловал кончики пальцев, – вы писали, что вам нужна помощь...

– И вы пришли, как только смогли? – продолжила она с почти веселой улыбкой. Барон ей очень нравился, и она все не могла понять, как у такого ужасного человека, как принц Рудольф, может быть такой друг.

– Именно, – Фриш выпрямился и по-военному щелкнул каблуками. – К вашим услугам, контесса!

– Присаживайтесь, – девушка указала рукой на одно из кресел. Барон подождал, пока сама хозяйка покоев займет второе, и лишь тогда сел. – Хотите чаю?

– Не откажусь, – улыбнулся мужчина, – признаться, с утра у меня во рту не было и крошки, как вы знаете, Его высочество слишком занят.

– Герда, распорядись, пожалуйста, и пусть принесут бутерброды, – служанка, которая скромно сидела в уголке, встала и вышла, но тут же вернулась, известив, что чай обещали подать сию секунду.

– Что означает четверть часа, не меньше, и подадут его холодным! – возвестил барон, подкручивая свои усы. – За эти дни слуги очень распустились, раньше ими занималась императрица, теперь же Рудольфу, вернее, Его Императорскому Высочеству, просто некогда.

– Вы давно знаете принца Рудольфа? – вопрос вырвался сам собой, Амалия сразу же прикусила язык, но барон и не заметил.

– Да, уже больше десяти лет. Мы вместе несли службу в первом уланском. Император не желал поблажек для племянника, а вот кронпринц Леопольд, по настоянию своей матери, был избавлен от тягот службы. Между нами говоря, императрица Анна его очень избаловала. Так о чем вы хотели меня спросить? – он выжидающе замолчал. Амалия покачала головой и вздохнула.

– Не спросить. Я хотела попросить у вас совета... Признаться, барон, я попала в некоторое затруднение, – она сделала знак Герде принести с каминной полки поднос. – Я не ожидала, что слухи о... моей свадьбе с принцем Рудольфом распространятся так быстро...

– Полагаю, все были готовы к такому развитию событий... – слегка смутился адъютант. От этого признания у Амалии перехватило дыхание. Она прикрыла глаза, пытаясь не выдать свой гнев.

– Вот как? – произнесла она как можно более безразличным тоном.

– Ру... Его Высочество не делал из этого тайны. Ему было важно сохранить достигнутые с вашим отцом договоренности.

– Тогда это многое объясняет... – она вновь осеклась, с тоской представляя свой брак: череду унылых дней, когда все решения мужа она будет узнавать от его секретаря.

– Вы хотели попросить моего совета, – напомнил ей барон, тактично прерывая затянувшееся молчание. Девушка кивнула, понимая, что пути назад у нее просто нет:

– Да... дело в том, что я не знаю ни одного имени из тех, кто сегодня оставил мне свои визитные карточки.

– Почему бы вам не спросить графиню Ольшанску? – барон настороженно покосился на стопку картонных прямоугольников, точно от нее веяло угрозой. Амалия внимательно посмотрела на него:

– Я могу говорить прямо?

– Разумеется.

– Я опасаясь, что отношение графини к этим дамам будет несколько предвзято, а мне бы хотелось составить свое собственное мнение о тех людях, которые будут меня окружать. Я бы была вам очень признательна, если бы вы помогли мне хотя бы советом.

Она смущенно замолчала, взяла с подноса одну из визиток и задумчиво покрутила её в руках. Барон постучал пальцами по столешнице:

– Я знаю не так много женщин, которые могли бы помочь вам, контесса. И потом мы с принцем в последнее время возмутительно пренебрегали светским обществом, поскольку не слишком хотели утруждать себя узами брака... – он осекся, наверняка вспомнив о своих любовных приключениях, кашлянул и решительно закончил. – Так что я не слишком хороший советчик.

– Я понимаю, что ваши познания лежат совсем в другой области, – Амалия лукаво посмотрела на него из-под длинных ресниц, – но все-таки, может быть, вы вспомните какую-нибудь респектабельную особу, например, кузину?

– Нет, к сожалению, у меня нет ни кузин, ни сестер... разве что, – он задумчиво пожевал усы. – Хотя... Моя матушка! Вполне вероятно, что она сможет вам помочь.

– Замечательно! – девушка слегка воспрянула духом, уверенная, что у столь хорошо воспитанного и приятного человека, как барон Фриш, не может быть плохой матери.

– Только она почти никуда не выезжает, – предупредил её адъютант Его Императорского Величества, было заметно, что он слегка напряжен.

– Я смогу сама навестить её, если она не будет возражать.

– Не думаю, что кто-то осмелится возражать невесте императора, – барон взглянул на часы, стоявшие на каминной полке, и нахмурился. – Решено, я извещу её и напишу вам, когда удобно будет увидеться с ней.

– Я буду вам очень благодарна, – понимая, что её гость торопится, Амалия встала и протянула руку. Адъютант поспешил откланяться, уже на пороге столкнувшись с лакеем, который нес поднос с остывшим чаем. Барон Фриш бросил на поднос взгляд, исполненный тоски, но правила приличия и воспитание не позволили ему задержаться, и он поспешно откланялся.

Скрывая улыбку, Амалия сделала замечание нерасторопному слуге и приказала отнести чай в кабинет к принцу, наказав при этом не забыть и про адъютанта Его Высочества.

На следующий день девушка получила письмо от барона, где он сообщал, что его мать будет рада видеть столь высокую гостью у себя дома. В постскриптуме было написано несколько слов благодарности за заботу о принце. «Вы просто спасли мою жизнь!» – прочитав эту фразу Амалия невольно улыбнулась.

– Моя дорогая, я вижу, вы получили приятное известие! – насторожилась графиня Ольшанска, на правах статс-дамы сидевшая в гостиной в окружении трех хихикающих девиц, которых она представила, как фрейлин покойной императрицы. Все они, в отличие от Амалии, были красавицами: невысокие с темными волосами и молочно-белой кожей. Все три были одеты в установленные дворцовым протоколом платья: бледно-голубые, отороченные золотым шнуром. На ленте, сейчас из-за траура черной, – знак отличия – вензель из бриллиантов с инициалами покойной императрицы.

Ведомые графиней, они появились рано утром, чтобы «составить компанию бедняжке контессе», и к обеду у Амалии от их бессмысленных разговоров уже болела голова. Она и раньше не жаловала сплетни, предпочитая им разговоры о книгах или же лошадях, но теперь, с учетом того, что девушка вообще не имела представления о ком идет речь, все разговоры казались чудовищными. Попытки отослать свиту императрицы окончились провалом, графиня была непреклонна в том, что юной девушке негоже оставаться одной.

Полученная от лакея записка заставила статс-даму оживиться. Она вся вытянулась в ожидании того, что послание будет зачитано, но Амалия покачала головой и, сложив лист бумаги, спрятала его в манжет платья.

– Это записка от моей давней подруги, – пояснила она.

– Дорогая, у вас есть здесь подруги? – изумилась графиня. Девушка смерила её холодным взглядом:

– Полагаете, их у меня нет?

– Просто удивительно, поскольку вы почти не бывали в Аустерхольце, проводя все время в небольшом герцогстве... – снова фальшивая улыбка, одна из девиц хихикнула.

– В моем герцогстве, – подчеркнула Амалия, кидая на развеселившуюся фрейлину строгий взгляд, та смутилась и опустила голову. – Тем не менее, графиня, я бывала и при имперском дворе и вполне могла обзавестись здесь подругами.

– Почему же вы не предложили им присоединиться к нам? – слишком невинно и потому наигранно спросила одна из девушек, – Они что дурны собой или же просто не принадлежат нашему кругу?

– Они замужем, обе получили предложения в первый же свой сезон, – Амалия с наслаждением смотрела, как вытягиваются лица присутствующих.

– Как благородно – радоваться за подруг, вышедших замуж в первый сезон! – графиня явно намекала, что к самой девушке судьба не была так благосклонна,

та лишь слегка пожала плечами:

- Отчего мне печалиться? Согласитесь, что приз за ожидание иногда стоит того, чтобы подождать...

Намек на предложение императора заставил фрейлин замолчать. Амалия решительно поднялась и отложила пальцы, на которых за все утро не сделала и стежка:

- Прошу прощения, я устала. Благодарю за приятную компанию.

С недовольными лицами девушкам пришлось удалиться в соседнюю комнату, куда графиня незамедлительно, будто была у себя дома, распорядилась подать чай с печеньем.

Амалия же прошла в гардеробную, где при помощи Герды переделалась в другое платье, накинула плащ и вновь вышла в гостиную. Дверь в комнату, где сидели фрейлины, была приоткрыта, оттуда доносились оживленные голоса, явно обсуждавшие новую хозяйку.

- Это просто неприлично - такой загорелый оттенок кожи...

- А руки? Вы видели ее кисти? Пальцы такие длинные, как у крестьянки!

- Ты что? У крестьянок обычно они короткие!

- Нет, длинные и толстые, чтоб удобнее было сажать пшеницу!

- Ну у нее они тонкие. Да и сама она худая, как жердь...

- Тише, девушки, - урезонила их графиня, - хотя, конечно, между нами, император мог выбрать невесту и получше...

- Да она просто уродина! - воскликнула одна из девушек. На нее тут же шикнули.

– Пойдемте, госпожа, что взять с пустоголовых завистниц, – Герда с сочувствием смотрела на побелевшую от гнева хозяйку, та кивнула:

– Да, ты права, пойдём.

Они торопливо вышли из жилой части дворца, проследовали через галерею и выскользнули через один из боковых входов во дворец. Герда уверенно провела свою госпожу к калитке, через которую обычно входили слуги. Если гвардейцы, охранявшие проход и удивились, увидев Амалию, то не подали и вида, беспрепятственно выпустив девушку в сопровождении горничной в город.

Оказавшись за железной оградой, надёжно закрывавшей вход во дворец, Амалия подставила лицо солнцу и впервые за все эти дни свободно вздохнула. Герда с укором посмотрела на нее, но ничего не сказала, понимая, что все сетования бесполезны. Как бы служанка не ворчала по поводу загара своей госпожи, та была непреклонна.

Вот и сейчас, почувствовав свободу, девушка радостно устремилась вперед. Её не беспокоила ни удушливая жара, воцарившаяся вслед за дождями, ни пыль, поднимаемая колесами проезжавших мимо экипажей. Она с наслаждением шла по брусчатке, каблучки ботинок отстукивали веселый мотив. Служанка едва успевала за ней следом.

Барон тщательно описал путь, поэтому Амалия почти не блуждала по незнакомым улицам, показавшимся ей достаточно уютными, хотя слегка вычурные дома стояли слишком близко друг к другу, зачастую почти соприкасаясь стенами. Удивительно, но почти везде висели начищенные до блеска дверные молотки, извещавшие, что хозяева предпочли остаться в столице, несмотря на жару.

Фамильный особняк Фришей находился совсем недалеко от императорского дворца. Двухэтажное здание голубого цвета с белыми колоннами, оно было окружено невысокой оградой, за которой были разбиты цветники.

Слегка поколебавшись, Амалия поднялась на крыльцо, построенное в виде портика, и постучала. Дверь распахнули почти сразу. Лакей впустил гостью, забрал визитную карточку – эрцгерцогиня заказала дочери новые как раз перед самым отъездом – и направился вглубь темного холла.

Через минуту он появился вновь и почтительно поклонился.

- Следуйте за мной, контесса.

Они прошли вглубь дома, где в темной гостиной сидела женщина. Она была одета во все черное, седые волосы убраны под чепец. В комнате явно пахло сигаретным дымом.

- Добрый день, контесса Амалия, - голос у женщины оказался на редкость мелодичным и глубоким, легкая хрипотца, наверняка последствия курения, придавала ему особое очарование.

- Баронесса, - девушка присела в заученном реверансе. - Благодарю, что согласились мне помочь.

- Было бы странно отказать в помощи той, которая вот-вот станет новой императрицей, - баронесса махнула рукой, словно отменяя все возражения. - Вас не затруднит раздвинуть портьеры?

- Да, конечно, - воспитанная в уважении к преклонным годам Амалия беспрекословно подчинилась. Яркий солнечный свет хлынул в комнату, которая оказалась не такой уж темной и старой, хотя стены были выкрашены в модный несколько сезонов назад зеленый цвет, в тон им и была обивка мебели - зеленая, в тонкую бело-желтую полоску.

Сама хозяйка сидела за небольшим круглым столиком в кресле на колесах. На ее ноги даже в такую жару был накинут теплый плед.

- Это всего лишь подагра, - улыбнулась она, заметив сочувствующий взгляд девушки, та покраснела:

- Простите, ваш сын ничего не сказал...

- Конечно. Всем в доме запрещено говорить об этом!

- А целители? Неужели они не могут помочь?

– Они разводят руками, ибо даже магия бессильна перед временем. Единственное, что они могут мне сделать, – облегчить приступы.

– Если хотите, я могу попробовать...

– Благодарю, но не стоит тратить на меня драгоценный дар... Это бесполезно, и я уже смирилась. Но что вы стоите, присаживайтесь! – хозяйка дома кивнула на кресло. Амалия подчинилась. В комнате вновь воцарилось молчание. Баронесса внимательно рассматривала девушку:

– Да, Франц сделал правильный выбор... Вы мне нравитесь гораздо больше, чем все эти вертихвостки, в последнее время появившиеся во дворце!

– Простите?

– Все эти девицы, пытающиеся привлечь внимание сначала Леопольда, а теперь и Рудольфа... Бедный мальчик, в последнее время ему сильно досталось.

Девушка весьма смущенно улыбнулась, внезапно вспомнив подслушанный разговор фрейлин, это не укрылось от баронессы:

– И не смейте смущаться, вам надо научиться принимать комплименты с достоинством, как это делали ваши предшественницы! – заявила она.

– Я постараюсь! – совершенно искренне уверила Амалия.

Баронесса нравилась ей все больше и больше. Тем временем хозяйка дома придвинула к себе портсигар, достала папиросу:

– Вы не возражаете? – не дожидаясь ответа, прикурила и тут же замахала рукой, развеивая табачный дым. – Извините, пагубная привычка. Пристрастилась, когда поняла, что уже не смогу подняться с этого кресла.

– Как давно вы... – Амалия вновь осеклась. – Простите...

– Ничего страшного. Уже десять лет. Я считаю это расплатой: в молодости я уж слишком любила балы и развлечения... – она невесело рассмеялась, закашлялась

и потушила папиросу о фарфоровое блюдце. – Я служила при дворце фрейлиной императрицы-матери, Эдмунд вам не сказал?

– Нет.

– О, это было прекрасное время. Мы так веселились... и Франц, тогда ещё кронпринц, наследник. Милый, обходительный, мы все были влюблены в него, все девушки... В императорском дворце тогда устраивали великолепные балы. Так я познакомилась с бароном Фришем, отцом Эдмунда. Очень красивый, статный, не скажу, что он был идеальным мужем, но... – она вновь закурила. – Ладно, воспоминания старухи не лучшее времяпрепровождение для молодой девушки. Мой сын сказал мне, вам нужна помощь?

– Да, но... – Амалия тряхнула головой и решительно продолжила. – Видите ли, когда я просила барона порекомендовать мне кого-нибудь, он не предупредил меня о вашей болезни...

– Милое дитя, у меня больны лишь ноги, а с головой у меня все в порядке! Итак, что у вас стряслось? – она вопросительно изогнула бровь. Амалия вдохнула, набираясь решительности, и закашлялась: табачный дым попал в горло.

– Простите, – извинилась она, заметив, что баронесса машет рукой, разгоняя дым по комнате.

– Пустое. Эдмунд тоже всегда ругается, а вот Рудольф лишь смеется, говорит, что это придает мне особое очарование.

– Рудольф?

– Принц Рудольф, вернее, в эту минуту он принимает присягу от членов парламента и становится императором. Мы узнаем об этом по пушечным выстрелам.

– Он здесь бывал? – изумилась Амалия, совершенно забыв о цели своего визита.

– Конечно. Они с Эдмундом давние друзья, принц любил заезжать к нам, и даже сейчас он никогда не забывает навестить старуху...

- Вы не старуха, - запротестовала Амалия. - В вас столько жизни!

- О, у вас сильный дар целителя, они чувствуют жизнь, как никто другой. Вы развивали его?

- Практически нет, - девушка покачала головой.

- Жаль. Вам обязательно надо научиться магии! Хотите, я поговорю с Рудольфом?

- Спасибо, но я предпочту сделать это сама.

- Гордость? - баронесса понимающе улыбнулась. - Нужное качество для императрицы. Главное, чтобы вы не стали такой же гордячкой, какой оказалась вторая жена Франца.

- Вы говорите про императрицу Анну, мать Леопольда? - решила уточнить девушка.

- Разумеется, - кивнула собеседница. - Это не секрет, что император был женат дважды. Впрочем, первый брак был еще до вашего рождения, поэтому простительно, что вы о нем не помните! К тому же сам Франц не любил эти воспоминания.

- А что стало с первой женой?

- Вы не знаете?

- Только сжатые факты. Кажется, она заболела и умерла...

- Кажется! - презрительно фыркнула баронесса. - Сесилия, так ее звали, была совсем девочкой. Тоненька, хрупкая. Мне она казалась словно не от мира сего. Франц ехал свататься к ее кузине, увидел юную графиню Сиверз и пропал... ей было всего пятнадцать. Императору двадцать. Возраст безумств. Они и были без ума друг от друга...

Женщина вздохнула и задумчиво посмотрела в окно. Амалия сидела, боясь прервать её воспоминания.

– К сожалению, романтика далека от семейной жизни, и оба поняли это слишком поздно. Сесилия не выносила всеобщего внимания, а Франц был вечно занят. У императрицы начались нервные срывы. Она стала все реже появляться в свете, потом и вовсе перестала выходить из своих покоев. Вскоре объявили о её болезни, а потом и о смерти. После похорон Франц неделю не появлялся на публике, уже поползли слухи о кончине императора, когда он все-таки вышел, правда, его лицо пересекало несколько шрамов. После этого он и ввел в моду бакенбарды, будто они могли скрыть...

Баронесса вновь закурила.

– А... императрица Анна? – тихо спросила Амалия.

– О, это был уже тщательно спланированный династический брак... Тоже не самый удачный, хотя наследник появился на свет в положенное время... после супруги разошлись. Каждый со своими увлечениями... Франц умудрился втянуть в это даже Рудольфа, мальчик не мог отказать тому, кто заменил ему отца. Анна безумно злилась.

Баронесса глубоко затянулась, выпустила клубы дыма и продолжила:

– Пожалуй, она единственная, кто действительно ненавидел племянника императора. Хотя, на мой взгляд, Анна завидовала тому, что её собственный сын проигрывал своему кузену. Не знаю, уместно ли будет, но вам, моя дорогая, действительно повезло: Леопольд был избалованным мальчишкой, и вряд ли ваш брак с ним стал бы удачным.

– Династические браки редко бывают удачными, – возразила Амалия, – такова цена, которую мы платим за наше положение и за магический дар...

– Полагаете, это стоит того, чтобы спать в одной кровати с мужчиной, к которому вы испытываете в лучшем случае равнодушие?

– Я полагаю, что у меня все равно нет возможности избежать этого, – как она ни старалась произнести эти слова равнодушно, в голосе все равно слышалась горечь. – Все уже давно решено, и мои желания ничего не значат.

– Ну, – протянула баронесса, – если вам так претит выходить замуж за Рудольфа, вы можете заявить это на оглашении помолвки. Скандал, конечно, будет грандиозный, но мальчику эта встряска может пойти даже не пользу...

– Мальчику?

– Рудольф для меня всегда будет мальчишкой, слишком давно я его знаю, впрочем, хватит о нем! – хозяйка дома вызвала лакея и потребовала принести госте чай, а себе – вишневую наливку. – У вас еще есть время, и я советую вам не торопиться. В конце концов, вы можете бросить императора и у алтаря!

Амалия растерянно моргнула. Эксцентричность баронессы ставила ее в тупик, хотя – стоило признаться хотя бы самой себе – девушка многое бы отдала, чтобы иметь право разговаривать так же открыто и язвительно.

– Вы ведь, как и положено благовоспитанной девице, не пьете ничего крепче двух глотков шампанского? – усмехнулась та. Амалия кивнула:

– Да. Матушка очень пристально следила за нами в этом плане.

– Похвальное рвение, – показалось, или в голосе баронессы прозвучала ирония. – Но, думаю, вам пора пересмотреть свои взгляды! Поверьте, если вы все-таки решите стать императрицей, умение пить, не пьянея, вам пригодится.

Амалия внимательно посмотрела на женщину, пытаясь понять, шутит ли та, но нет, серые глаза смотрели с сочувствием. Лакей принес поднос с чайником и небольшим графином, расставил все на столике, поклонился и вышел.

Баронесса разлила вишневую жидкость по рюмкам:

– Попробуйте.

– Но... – замялась Амалия, вспомнив длительные нравоучения о вреде алкоголя для юных девушек.

– Уверяю вас, если вы выпьете эту рюмку, с вами ничего не случится, – хозяйка пригубила темно-красную жидкость, девушка последовала ее примеру. Кисло-сладкий вкус вишни смешивался с легкой горечью. Баронесса с интересом наблюдала за своей гостьей. Амалия сделала еще один небольшой глоток и решительно отставила рюмку.

– Вы позволите? – она потянулась к чайнику, разлила чай.

– Ну что ж... чай так чай, – баронесса медленно, со вкусом, допила наливку и с одобрением посмотрела на девушку. – Вы будете прекрасной женой Рудольфу, если решитесь на это, милая. Чем я могу быть вам полезна?

Амалия выдохнула, вспомнив, наконец, о цели визита:

– Я хотела просить у вас совета и, возможно, помощи... дело в том... у меня ощущение, что все, буквально все жители столицы, узнав о решении Его высочества, прислали мне визитные карточки.

– Под решением вы имеете в виду то предложение, которое он вам сделал?

– Он не делал! – вырвалось у Амалии. Она опустила голову. – Простите... я не должна...

– Только не говорите, что он написал сразу вашему отцу! – ужаснулась баронесса.

– Увы...

– Гадкий мальчишка! Его следует выпороть за такое! Теперь я понимаю ваше недовольство. Как можно так поступать!

– Никакого недовольства нет, – Амалия постаралась, чтобы ее голос звучал спокойно. – Но я просто сомневаюсь, что этот союз будет удачным.

– Глупости, вы подходите Рудольфу гораздо больше, чем Анна подходила Францу! Ему только необходимо успокоиться после того, что произошло, хорошенько напиться и начать мыслить здраво!

– Сомневаюсь, что он вообще умеет это делать, – пробормотала Амалия.

– Напиваться?

– Нет, мыслить.

– Весьма ценное наблюдение! Теперь я понимаю, почему выбор императора пал именно на вас? Лауфенбурги слишком порывисты, и им не хватает как раз здравомыслия.

– Не думаю, что должна быть счастлива от осознания этого, – осмелела девушка.

– С Леопольдом вы вряд ли смогли быть счастливы, для этого он был слишком легкомыслен и похож на свою мать. Надменный избалованный мальчишка... А вот Рудольф... – баронесса задумалась и снова закурила. – С Рудольфом ваше счастье возможно. Так что на вашем месте я бы хорошо подумала, отказывать ли ему. Когда он намерен объявить о помолвке?

– Не знаю. Ваш сын сказал мне, что все было решено еще вчера...

– Тогда вам нужно достаточно быстро организовать прием, ничего пышного, в семье траур, но... Империи нужен наследник, да и ваше положение слегка двусмысленно... Незамужняя девушка, живущая во дворце, а император достаточно молодой мужчина и весьма хорош собой.

– Принц Рудольф не кажется мне привлекательным, к тому же я живу во дворце в окружении фрейлин покойной императрицы...

– Именно поэтому пришли ко мне пешком в сопровождении лишь горничной? – усмехнулась баронесса. – Моя дорогая, первое, что начнут делать эти девушки, – распускать о вас сплетни. Бьюсь об заклад на свои фамильные бриллианты против вашего самого старого веера, что они уже начали это делать!

– Мой старый веер мне очень дорог, с ним я впервые вышла в свет, – улыбнулась Амалия. – Но вы правы.

– Видите! Вам просто необходимо заручиться поддержкой знатных родов Империи.

– Перебежав им дорогу в качестве невесты наследника престола?

– Вижу, выбор сделан? – баронесса лукаво посмотрела на Амалию. – Все-таки вы предпочтете свадьбу и корону, вдобавок получив в мужа одного из самых завидных женихов империи?

Амалия подала плечами:

– От этого брака зависит судьба моей страны. Думаю, в данном случае мои желания не играют роли.

– Тогда послушайтесь моего совета и полюбите Рудольфа!

– Вы полагаете, это так просто?

– Нет, если ваше сердце занято кем-то другим, – баронесса пристально всмотрелась в лицо сидящей перед ней девушки. – Но вы не влюблены... это упрощает задачу.

– Я не влюблена, – подтвердила Амалия, уже не зная, как относиться к этим словам. – И я не думаю, что это возможно: я и принц Рудольф... – она осеклась, прекрасно понимая, что не стоит даже произносить этих слов, но все-таки продолжила. – Мы с Его высочеством слишком не подходим друг другу, и если бы не обстоятельства, то...

– То вы действительно были бы несчастны с Леопольдом, подумайте об этом! – заметив упрямый взгляд собеседницы, баронесса не стала продолжать, а сменила тему. – Впрочем, вернемся к нашим... придворным. Скажите, сколько визитных карточек вы получили за эти дни?

– Боюсь, что очень много... – Амалия вздохнула, вспомнив о стопках, лежащих на подносах.

– Что значит, что вы стали весьма популярны в обществе. Теперь вам надо лишь безупречно разыграть вашу собственную партию! – баронесса улыбнулась и потянулась к медному колокольчику, позвонила. Лакей беззвучно вошел в комнату.

– Ганс, принеси мне Готский альманах! – приказала хозяйка и пояснила для Амалии. – Это ежегодно обновляемый журнал – список дворянских родов империи. Думаю, во дворце он тоже имеется, но я могу отдать вам свой, там есть пометки, они помогут вам ориентироваться. Кстати, кто к вам приставлен в свиту?

– Графиня Ольшанска и несколько фрейлин покойной императрицы.

Баронесса скривилась:

– Пустоголовая кокетка. Остерегайтесь её, она просто мечтала выдать свою дочь за Леопольда. Не спорю, что они подходили друг другу: оба слишком красивые и такие же глупые... после бала, где они имели неосторожность протанцевать три танца подряд, их обнаружили в спальне у кронпринца, причем девица была не совсем одета. Вернее, она была совсем раздета. Обнаженная! Леопольд, кстати, тоже... Скандал удалось замять с трудом. Молодую Ольшанску одарили приданым из казны, срочно выдали замуж и отправили восвояси, а матери пожаловали место статс-дамы. После чего поток юных девушек, желающих получить должность фрейлины, возрос.

– Надеюсь, казна не разорена? – ехидно осведомилась девушка.

– Нет, но это было одной из причин, по которым кронпринцу начали подыскивать невесту.

– Какая прелесть! – восхитилась Амалия. – И после этого графиня пытается учить меня манерам, ссылаясь на желания покойной императрицы!

Баронесса задумчиво постучала пальцами по столу:

– Не понимаю, почему Анна выбрала именно Ольшанску... Полагаю, ей лишь был дан приказ сопроводить вас до дворца, но пользуясь неразберихой, эта змея приписала себе воображаемые поручения. К сожалению, такие распоряжения отдаются лишь устно, их нельзя проверить, поэтому при первой же возможности отправьте её в отставку!

– Боюсь, это трудно сделать, тем более что фрейлины её поддерживают...

– Кто именно?

Амалия с трудом вспомнила и назвала имена. Баронесса хмыкнула:

– Разумеется они будут ее поддерживать, ведь все девушки приходятся Ольшански дальними родственницами! Вы не знали?

– Я предполагала подобное... как я понимаю, эти девицы приложат все силы, чтобы привлечь к себе внимание императора, и его свадьба им не помеха?

Баронесса с уважением взглянула на собеседницу:

– Мне нравится ход ваших мыслей. Да, не женой, так любовницей... О, не надо так краснеть, словно вам неловко об этом слышать! Насколько я знаю, ваши родители не слишком скрывали свои связи!

– Нас воспитывала гувернантка, – возразила Амалия. Баронесса презрительно скривилась:

– Старая дева, у которой само слово «любовь» вызывало оторопь?

– Как вы догадались? – усмехнулась девушка, вспомнив свою суровую наставницу.

– Я слишком давно живу на этом свете. Но вернемся к дворцовым интригам, о которых вы должны знать, поскольку наверняка скоро мы услышим о бастардах Его Высочества Леопольда...

– Он был так неразборчив?

– Он был слишком избалован и полагал, что ему доступно все...

Внезапно их прервал оглушительный орудийный залп. Стекла в окнах задребезжали. Баронесса вздохнула и, закрыв глаза, прошептала молитву, осенила себя знаком четырехлистника, затем посмотрела на свою гостью:

– Выстрел означает, что парламент принял решение. Император Франц умер. Да здравствует император Рудольф.

– Да здравствует император Рудольф! – послушно повторила Амалия. Они замолчали, размышляя каждая о своем, затем баронесса опомнилась.

– Рудольф не станет долго ждать и объявит о вашей помолвке, – задумчиво протянула она. – Дайте-ка сюда альманах, я отмечу, кого вы обязательно должны пригласить на скромное торжество, и не поддавайтесь на уговоры этой змеи, Ольшански, иначе будете окружены лишь её родственниками и нанесете оскорбление остальным!

Перо быстро запорхало над страницами, отчеркивая нужные фамилии.

– Вот и все. Главы всех знатных родов. Что же касается остальных, в ответ на поздравления пишите благодарственные письма и ссылайтесь на траур, этого будет достаточно. Этим же людей пригласите на свадьбу, только на этот раз с их наследниками. И по мере возможности избегайте дочерей, они будут рассчитывать на внимание вашего жениха.

– Спасибо! – тепло поблагодарила Амалия и, осмелев, добавила. – Вы позволите мне навещать вас?

– Разумеется, моя дорогая, приходите, в любое время! Только будет лучше, если вы не станете больше одна ходить по улицам, это не так безопасно, как кажется! Попросите у своего жениха охрану, не думаю, что он посмеет отказать вам! Да и вообще, будьте с ним понастойчивее! Рудольф привык к всеобщему обожанию, и немного холодности пойдет ему на пользу, но не переусердствуйте с ней, иначе вы развяжете руки искательницам приключений! – она захлопнула альманах. – А сейчас, когда мы покончили с делами, попробуйте эти булочки со взбитыми сливками, моя кухарка их изумительно готовит!

Глава 4

Булочки действительно оказались очень вкусными, а чай – в меру горячим. Какое-то время Амалия развлекала хозяйку сплетнями о графине Ольшански, та довольно хмыкала и вставляла весьма язвительные комментарии. Из них девушка поняла, что в свое время дамы были соперницами при дворе, и графиня Ольшанска претендовала на внимание барона Фриша, отца Эдмунда. Дамы постоянно строили козни друг другу, пока, наконец, выбор не был сделан в пользу ныне вдовствующей баронессы.

Под конец беседы, взглянув на часы, Амалия спохватилась, тепло попрощалась с хозяйкой и, пообещав зайти и рассказать, как прошло официальное оглашение её помолвки, в сопровождении горничной и двух лакеев, на которых настояла баронесса, девушка отправилась обратно во дворец.

Когда они были уже почти у ворот, раздался крик: «Поберегись!» Привратники засустились, распахивая тяжелые створки, и мимо пронеслась карета с императорским гербом на дверцах: император Рудольф возвращался из здания парламента. Не желая попадаться лишней раз ему на глаза, Амалия отпустила своих провожатых и вместе с Гердой проскользнула в ближайший боковой вход, скорее всего, предназначенный для слуг. Слегка поплутав по коридорам, она уже поднималась по лестнице, ведущей к ее покоям, когда услышала визгливый голос графини. Та явно пыталась узнать у слуг, где находится вверенная ей невеста императора.

Встречаться со статс-дамой и окончательно портить себе настроение не хотелось. Амалия отдала Герде плащ и отослала, сказав, что хочет прогуляться в парке.

Эта часть дворца ещё не была ей знакома, и девушка пошла наугад. Желая срезать путь и оказаться в парке, около того самого дуба, который приглянулся ей несколько дней назад, она свернула в двери, богато украшенные позолотой.

Судя по пыли на зачехленной мебели, эти помещения использовались редко. Амалия с трудом узнала голубой салон – здесь во время балов ставились

карточные столики. Кажется, два года назад именно здесь её брат Альфред просадил целое состояние. Отец тогда сурово наказал наследника, на три месяца сослав в дальнее имение и запретив появляться в свете. По окончании сезона Амалия с разрешения родителей поехала навестить брата, где и познакомилась с Клаусом. Грустно улыбнувшись воспоминаниям, девушка медленно пошла дальше.

Следом за карточным салоном был бальный зал. Его Амалия прекрасно помнила: светло-зеленые стены и лепнина под потолком – лебеди, держащие в клювах гирлянды из цветов. Белые стулья с изображением таких же лебедей на спинках были сейчас зачехлены, а наборный паркет из восьми пород дерева выглядел тусклым. Девушка прошлась по нему и нерешительно замерла у дверей, на створках которых был изображен герб Империи. Амалия знала, что за ними находится тронный зал.

Именно там представляли императрице дебютанток. Девушка помнила и то волнение, которое охватило ее, когда она впервые приблизилась к трону, стоявшему на ступенях, и как дрожали ее ноги, когда она делала церемониальный реверанс императорской чете. Тогда императрица беседовала с ней не более пяти минут. После этого необходимо было, не поворачиваясь спиной к царственным особам, спуститься со ступенек. Иногда, Амалия слышала об этом, особо злобная соперница старалась подставить подножку. У нее обошлось, никого не интересовала одна из младших дочерей эрцгерцога, к тому же не блиставшая особой красотой. Никого, кроме императора Франца.

Бетти тоже повезло, хотя, судя по злобным взглядам, желающих поставить подножку хрупкому белокурому созданию в белоснежном, украшенном серебряными розами платье было хоть отбавляй. Но эрцгерцогиня стояла за спиной младшей дочери, ограждая любимицу от возможных врагов. Беседа с императорской четой у самой Бетти не заняла и минуты, а вот с Амалией император Франц беседовал достаточно долго. Теперь стало понятно, почему.

Воздух вдруг словно сгустился. Девушке захотелось развернуться и бежать прочь, но тогда была вероятность попасться на глаза графине Ольшански, а Амалия еще до конца не решила, как себя вести с этой дамой. Да и не стоило упускать возможности рассмотреть трон, пока вокруг никого нет, даже вездесущих лакеев.

Испуганная собственной дерзостью Амалия вошла в зал и удивленно замерла. Она помнила, что императорские кресла с вышитыми на спинках инициалами стояли на возвышении, над ними был полог, украшенный копией имперской короны. Сейчас одно из кресел стояло криво.

Император Рудольф в белом мундире с золотыми эполетами слишком небрежно развалился в нем, закинув ноги в начищенных до блеска сапогах на второе кресло. В руке у правителя была открытая бутылка коньяка, к которой он прикладывался. В бирюзовых глазах плескались тоска и злость. Он впервые напоминал человека, который потерял кого-то очень близкого.

– Ваше Императорское Величество, – сердце тревожно забилось, понимая, что они одни в зале. Чтобы скрыть испуг, Амалия склонилась в глубоком реверансе и заметила еще одну бутылку, пустую, лежащую около ступеней. Девушка невольно вскинула глаза на мужчину, с мрачной решимостью смотревшего на нее.

– Контесса, встаньте! – Рудольф даже не попытался выпрямиться, лишь сделал несколько глотков. – Я же просил оставить эти формальности!

– Простите... – тихо сказала она и поспешно добавила. – Ваше Императорское Величество.

Мужчина скривился, точно от оскомины.

– Вы неисправимы! Что вы вообще здесь делаете?

– Я? – признаться, что заблудилась, было стыдно. – Я просто решила осмотреть парадные залы дворца, пока здесь никого нет...

– А здесь оказался я... Справляющий поминки... по дяде Францу... он ведь был моим дядей, впрочем, вы это знаете... – снова несколько глотков, пустая бутылка покатила по ступеням, мужчина тяжело поднялся и протянул руку. – Поднимайтесь, присаживайтесь! Вам тоже пора привыкать!

– Спасибо. Возможно, в другой раз, – заученные фразы сами срывались с губ. Девушка попятилась, но Рудольф был быстрее. Он вскочил, на удивление быстро

сбежал со ступеней и подошел вплотную:

- Пытаетесь ускользнуть от меня?

Он слегка пошатывался, запах коньяка смешивался с запахом дорого одеколону.

- Вы пьяны? - ахнула Амалия, пытаюсь сообразить, как должна поступить. Правила поведения строжайше запрещали девушкам оставаться наедине с пьяными мужчинами, поскольку последствия могут быть непоправимы.

- Да, - Рудольф кивнул так, что светлые пряди упали ему на глаза, придав его лицу мальчишеское выражение. - У Эдмунда был коньяк, он дал его мне, и я напился. Еще в карете.

- Зачем?

- Надо же было как-то... отпраздновать... - он зло усмехнулся. - Император умер, да здравствует император... Это говорили в Парламенте... - он оглянулся, заметил пустую бутылку и скривился. - Почему они принесли мне только одну бутылку? Я же протрезвею, пока доберусь до своей спальни! Фриш!!!

- Ваше Величество, может быть, вам не стоит... - попыталась увещевать его девушка, но он отмахнулся:

- Ну хоть вы не указывайте, что мне делать!

- Как вам будет угодно, - она обронила это холодно и повернулась, намереваясь уйти, но император ухватил ее за руку:

- Пойдите, я снова обидел вас, верно?

- Нет, что вы! - она решила, что отрицание поможет сбежать, но хватка не разжалась.

- Обидел... - пробормотал мужчина, разговаривая скорее с самим собой, - и вы ненавидите меня?

Девушка вздрогнула, вспомнив свои опрометчивые слова, сказанные в приемной.

– Вам показалось, – торопливо проговорила она.

– Нет, ненавидите... – император зло усмехнулся, – как и все эти...

Он кивнул головой в сторону двери, затем вновь посмотрел на Амалию, на этот раз задумчиво:

– Меня ненавидит красивая девушка... И что же теперь делать? Может быть...

Прежде, чем она успела воспротивиться, Рудольф резко схватил ее за талию, привлекая к себе. Одна рука скользнула по шее вверх, удерживая за затылок, девушка попыталась вырваться, но не смогла. Бирюзовые глаза приближались. Словно замороженная Амалия смотрела в них, прекрасно понимая, что сейчас произойдет. Она знала, что ей надо сопротивляться и закричать, но не могла издать ни звука.

Мягкие губы едва заметно коснулись ее губ, она успела уловить аромат спиртного, а затем вдруг тиски, сжимающие ее талию, разжались.

На дрожащих ногах девушка отпрянула, с тревогой всматриваясь в лицо своего мучителя. На его губах была загадочная улыбка. В какой-то момент у девушки закралось подозрение, что Рудольф не так уж и пьян, но она предпочла отбросить его. Какая разница, пьян император или трезв, его поведение было просто возмутительно. Странно только, что вместо праведной ярости Амалия испытывала лишь смущение и еще немного, и в этом следовало признаться самой себе, разочарование от того, что поцелуй не состоялся.

– Почему? – только и спросила она, голос звучал очень тихо. Император, казалось, наслаждался её изумлением:

– Почему я собирался поцеловать вас? Или почему я этого не сделал?

Опомнившись, она взмахнула рукой, пресекая возможные возражения.

– Неважно. Это не должно повториться.

Рудольф расхохотался.

– Амалия, – он произнес это имя, словно пробуя его на вкус. – Если вы останетесь и станете моей женой, то нам придется это повторить... и не только это! Уверю вас, вам это понравится...

– Вы говорите так, словно у меня есть выбор, – пробормотала она, хотя при мысли о том, что ей придется лечь в одну постель с этим мужчиной, сердце учащенно забилося.

– Возможно... – Рудольф мрачно улыбнулся. – Например, вы можете сбежать из дворца, предпочтя размеренную жизнь с младшим сыном графа.

Кровь бросилась девушке в лицо. Он знал о ее невинных встречах с Клаусом, но наверняка считал их предосудительными. Именно поэтому император и вел себя с ней столь пренебрежительно и развязно. Обида захлестнула ее.

– Вы пьяны! – упрямо заявила она, чувствуя себя совсем глупой. Хотелось расплакаться, и лишь присутствие явно насмехающегося над ней мужчины заставляло сдерживаться.

– Верно, – кивнул он. – Пьян.

– Ваше поведение недопустимо!

– Что именно для вас недопустимо? – он уверенно протянул руку и провел пальцами по ее щеке. – Ваши глаза полны злости... Неужели вы рассердились за то, что я не поцеловал вас? Или за то, что упомянул о вашей первой любви?

– Отпустите меня, – попросила Амалия и, опомнившись, сразу же строго, как того требовали правила приличия, добавила, – уверю вас, завтра вы будете сожалеть о своем поступке!

– Возможно, а может быть, протрезвев, я буду им гордиться, – снова усмешка. – Хотя, смотря о каком поступке идет речь...

– Вы... вы... – она попыталась сформулировать, что именно вызвало ее гнев, но все ответы были слишком двусмысленны или же чопорны. Поэтому Амалия просто выпалила: – Вы самый отвратительный мужчина, которого я когда-либо встречала в своей жизни!

Она ожидала, что император ответит, но он промолчал. Слегка пошатываясь, Рудольф прошел к ступеням своего трона, очень медленно наклонился и подобрал пустую бутылку, задумчиво посмотрел и снова отшвырнул, раздался звон стекла. Девушка невольно вздрогнула.

– Идите в свои комнаты, Амалия, – приказал император, даже не оборачиваясь. – Я должен выпить. И я благодарю вас за бутерброды, хотя они предназначались и не мне, а Эдмунду... Интересно, стоит ли мне начинать беспокоиться об этом?

Это было последней каплей. Она уже не знала, на что именно злиться: на его нахальное поведение или же на его явное пренебрежение.

– Не смейте так со мной разговаривать! – чувствуя себя на грани истерики, девушка топнула ногой. Император обернулся. На этот раз его улыбка была почти веселой:

– Вы так соблазнительны сейчас в гневе, что я уже начинаю жалеть о своем решении соблюсти приличия! Продолжайте в том же духе, и я точно вас поцелую!

– Вы смеетесь надо мной? – она задохнулась от всхлипов, так и рвавшихся из груди. – Что же вы за человек? Вы все время смеетесь! Даже эта свадьба для вас – всего лишь забава, и вам нет никакого дела до моих чувств!

– Почему же, – он снова шагнул в ее сторону. – Меня всегда интересовали чувства женщин. Хотите, я вам докажу это?

Амалия вздрогнула. Охваченная желанием убежать, она впервые не задумывалась об этикете. Подхватив пышные юбки, она резко повернулась и кинулась к дверям.

– Амалия! – негромкий голос остановил ее, девушка обернулась. Рудольф так и стоял у ступеней трона, весело смотря на нее. – Прошу вас, никому не рассказывайте о том, что происходило сейчас здесь, иначе вас, несмотря на все ваше сопротивление, вынудят выйти за меня замуж!

Он вновь улыбнулся, заметив ее возмущенный взгляд.

– Вы невыносимы! – выпалила девушка. Император нарочито медленно шагнул в ее сторону, и она позорно сбежала. В спину ей донесся издевательский хохот.

Амалия остановилась, лишь когда добралась до знакомой портретной галереи. Там она прислонилась к стене, стараясь просто вздохнуть. Сердце то несло в бешеной скачке, то замирало.

Казалось, что ее талию все еще сжимают сильные руки. А на губах ощущался вкус несостоявшегося поцелуя. Девушка не могла понять, что заставило императора остановиться, когда победа над ней была так близка. Это не могли быть сострадание или уважение, нет, мужчина, только что державший её в своих объятиях, не знает жалости, это она осознавала, но тогда почему он не стал применять силу...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Обращение к невесте особы королевской крови.

Означает нанести визит с тем, чтобы оставить свою визитную карточку.
Выражение было принято в XIX веке.

Купить: https://tellnovel.com/kablukova_ekaterina/davay-sygraem-v-lyubov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)